

A dynamic illustration of a space battle. In the foreground, a large, complex spaceship is shown in a state of destruction, with bright orange and yellow flames and smoke billowing from its midsection. Several smaller, sleek fighter ships are positioned around the larger vessel, some firing energy beams. The background features a large, curved structure, possibly a space station or a planet's horizon, under a deep blue sky filled with stars and distant galaxies. The overall atmosphere is one of intense action and cosmic warfare.

Вячеслав КУМИН

Взлёт РОЯ

Боевая фантастика (АСТ)

Вячеслав Кумин

Взлет Роя

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кумин В.

Взлет Роя / В. Кумин — «Автор», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112001-6

Схватка двух кланов за обладание рабочим артефактом Древних набирает обороты, перерастая в полноценную войну. Владислав Роев, возможно, и хотел бы остаться в стороне, да только ему волей-неволей приходится принять в конфликте участие. К тому же он сам становится целью охоты не только кланов, но и могущественной гиперкорпорации, которая посчитала, что он из-за своих знаний о Звездных вратах в будущем может стать причиной снижения доходов и источником распространения секретной информации. А потому Рою и его подруге приходится приложить все свои новоприобретенные способности, чтобы не только не стать добычей, но и сбежать с планеты, что стала для них ловушкой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112001-6

© Кумин В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
1	10
2	13
3	18
4	21
5	24
6	28
7	31
8	34
9	39
10	42
11	45
12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Кумин
Взлет Роя
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.

© Вячеслав Кумин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Неделю, с момента орбитального обстрела бункера Древних и его блокировки из-за полного разрушения хода, Владислав Роев провел в ничегонеделании, только отсыпался и отъедался, сидя в тесном грузовом модуле «гусеницы», лишь изредка выбираясь из него по естественным надобностям, да ради охоты и, естественно, подготовки добытой дичи.

Впрочем, при всем желании он все равно ничего не смог бы сделать. Даже охотился без применения своих псионических возможностей, тупо отстреливал несколько ближайших съедобных тварей из дробовика, хватал их, быстро отсекал мясистые конечности и, пока остальные не успевали среагировать на его агрессию, поспешно уходил прочь, закрывая за собой дверь. Оставленные туши служили своеобразной платой за «нераздувание скандала», а то могла пойти ментальная волна, что до предела возбудит обитателей бункера, сделав их чрезмерно агрессивными...

Даже взвести часовой механизм таймера бомбы в надетом на него ошейнике, как это делал в джунглях, он был не в состоянии, благо в бункере имелись запасные ключи. Организм был полностью истощен как в физическом, так и эмоционально-психическом плане во время затяжной схватки за собственную свободу и жизнь. Казалось, стоит только сделать еще одно какое-нибудь усилие – и в нем что-то окончательно сломается, сделав либо абсолютно ко всему безразличным, либо буйным психом. А псих-псионик это... страшно.

Да и немудрено, учитывая все то, что с ним случилось за последнее время. Шутка ли быть вырванным из своего родного мира и оказаться закинутым сбойшими Звездными воротами, построенными какой-то древней цивилизацией, чуть ли не на другую сторону галактики! Но словно этого было мало. По выходе его взяли в плен и сделали рабом члены одного из полукриминальных кланов каких-то «арабов», пробавляющихся в том числе и тем, что находили в диком космосе бункеры Древних и проводили их зачистку от оставшихся артефактов, что ценились в центральных мирах так называемого Содружества очень дорого.

Рабы требовались как раз для аккуратной зачистки бункеров и поисков этих артефактов. В данном случае ситуация осложнялась тем, что бункер не был стерильным, как большинство аналогичных сооружений, и за тысячи лет в темноте коридоров развивалась своя крайне агрессивная биосфера, где даже растения были зачастую хищными, не то что всякие насекомые и животные, плюющиеся кислотами или сильнейшими ядами.

Все бы ничего, но помимо «заражения» бункера жизнью, сквозь которую подневольным сталкерам приходилось пробиваться с регулярными потерями, работала система РЭБ, подавляющая деятельность нейросетей, что местные устанавливали себе с момента совершеннолетия для обучения и приобретения профессий, без которых об управлении техникой можно было даже не мечтать. Без нейросети можно было кататься разве что на велосипеде... Потому для зачистки бункера использовали рабов без этих наноустройств в мозгу.

Роеву такая зависимость от нейросети казалась странной, даже вредной. Условно говоря, если ты выбрал профессию медика, то уже не сможешь управлять самолетом, а все из-за узкой специализации самой нейросети «Медик» или «Пилот», позволявшей управлять либо медицинской техникой, либо летающей, а там еще и деление по выученным базам. Если выбрал профессию пилота и выучил пилотирование среднего класса кораблей, то управлять тяжелым даже не пытайся.

На Земле ведь – по крайней мере в теории – никто не мешает обучиться доктору пилотировать самолет, и он вполне может освоить крылатую машину. А тут не так. Выбрал медицинский путь развития – о самостоятельных полетах забудь. Ну, или меняй нейросеть на желаемую и учись. Вот только замена нейросети обнулит твой прежний статус медика, к медицинскому оборудованию даже не подходи, не говоря уже о рисках со здоровьем. Все-таки удаление ней-

росети это травма для мозга... даже первичная установка может закончиться плачевно. Процент ничтожен, порядка 0,001, но в масштабах населения Содружества в триллионы человек, считайте сами, сколько получается таких неудачников. А в случае замены и того хуже.

Нет, штука для обучения профессиям за очень короткий срок в зависимости от сложности профессии, – а они делятся на ранги, чем выше ранг, тем круче специалист, от нескольких недель до месяцев (если у тебя, конечно, достаточно высокий уровень интеллекта и хорошее восприятие для быстрого усвоения материала), – очень классная, это не годы сидения за партой с зубрежкой, а потом долгие месяцы учебной практики, но вот накладываемые ограничения все сильно портили...

Не то чтобы пилоту нельзя было выучить несколько медицинских баз и наоборот, но сколько-нибудь значимых высот в таком случае было не добиться по определению.

А все из-за искинов. Хотя, казалось бы, ну что тут такого? Сел в кресло, задал координаты и вуаля, лети куда хочешь... В конце концов, ручного управления давно уже нет, все на мысленных приказах, всем управляет именно бортовой компьютер. Но нет, искин корабля не принимал приказы от людей, у которых не было соответствующей сетки и выученных нужных баз знаний для пилотирования именно данного типа корабля.

Было в этом – по мнению Владислава – что-то глубоко неправильное. Какое-то намеренное ограничение. Вот только зачем? Почему?

Впрочем, на данный момент, по разным причинам все это для Роева было неактуально...

Пока опасность дышала Владиславу в затылок, он еще держался на голой силе воли, но стоило только после всех жизненных перипетий оказаться в относительной безопасности, как из него словно стержень вынули.

А перипетии оказались еще те. Из-за высокого показателя ментальной активности Роев стал подопытным клановой ученой, что как раз на месте, в лаборатории базы, изучала местную уникальную растительность с живностью и на основе результатов своих исследований местных тварей разработала способ раскачки псионических способностей у людей. Тем более что у нее самой был высокий показатель ментоактивности, и она, естественно, хотела его повысить до максимально возможного уровня.

Опыты над Владиславом на первых порах шли удачно, показатели росли как на дрожжах, но последующие операционные вмешательства вполне могли свести подопытного в могилу. Тем более возникло стойкое ощущение, что ученая решила проверить на нем предел человеческой прочности, чтобы самой его не перешагнуть... Но тут, к счастью для Роева, у него появляется шанс сбежать, и шансом своим он воспользовался на все сто процентов, сбежав обратно в негостеприимный бункер, но там даже самые страшные твари были сущим пустяком по сравнению с теми ужасами, что творили люди.

Дальше все пошло по нарастающей. На Владислава начали целенаправленную охоту, терять такой материал для исследования ученой не хотелось, да и сам Роев всячески препятствовал дальнейшей зачистке бункера, не только и не столько из мести, сколько для обеспечения своей безопасности. Ибо стоило только клановцам добраться до центра управления бункером и отключить прибор РЭБ, как его рано или поздно выловили бы, загнав в подземелья высокотехнологичных дроидов. А чистильщики, надо отметить, почти добрались до цели.

Впрочем, его и так выловили профессиональные охотники, устроив засаду. Но в последний момент ему вновь удалось сбежать, на этот раз в дикие джунгли. Правда, в джунглях Владиславу не понравилось, тем более, что скорее рано, чем поздно, его там нашли бы клановцы, а потому он решил вернуться в бункер. Что, собственно, и сделал.

Вот только ученая дама время даром тоже не теряла и занималась прокачкой своей ментоактивности, пользуясь результатами, полученными от опытов над Роевым. И добилась на этом поприще значительного прогресса, даром что с мозгами у нее изначально, мягко говоря,

было не все ладно. В итоге, окончательно «поехав крышей», она сама решила достать Владислава, для чего вынула из себя нейросеть и спустилась в бункер.

И быть бы Роеву, совершенно вымотанному прорывом с использованием запредельного количества мощного допинга, усиливающего ментальную активность, в очередной раз плененным, да спасла активировавшаяся в момент крайнего напряжения очередная псионическая способность.

В итоге сам он остался на свободе, а Эхинацея, так звали ученую, от удара головой о стену во время взрыва потеряла память (наверняка сказалось и самостоятельное удаление нейросети в не предназначенной для этого медкапсуле плюс травма). Теперь она осознавала себя восемнадцатилетней девушкой, то есть до момента установки нейросети. На самом деле ей было под пятьдесят, а то и больше, хотя выглядела на тридцать. Но тут следовало благодарить местные высокие медицинские технологии, поддерживающие здоровье и позволяющие продлить жизнь до трехсот лет, плюс-минус...

Так что событий в относительно короткий период было с избытком, ярких и опасных, но долгое хождение по краю до добра не доводит, потому удивляться тому, что Роев, несмотря на стальную волю и характер, дополнительно усиленные психологическими тренингами в отряде космонавтов, впал в апатию, все же не стоило.

К тому же сказывалось употребление большого количества сильнодействующих медицинских препаратов с наркотическим эффектом для усиления ментальной активности, что в конечном счете сильно угнетало организм, и ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Благо этому способствовал симбионт... мозговой червь, коего подцепил себе Владислав во время схватки с охотниками в бункере, будучи в бессознательном состоянии. Понятно, что, находясь Роев в сознании, ни за что не позволил бы какой-то пиявке подселиться к себе в черепную коробку.

Но нет худа без добра. Червь оказался не мозгоедом, более того, являлся очень полезным симбионтом-паразитом. Слишком уж быстро заживали у Владислава полученные раны, как пулевые, так и трещины в костях. Собственно, нейросети тоже имели схожую функцию, а именно укрепляли кости, улучшали скорость реакции и так далее и тому подобное. Хотя основное предназначение червя – это копирование информации из чужого мозга. Что было сделано дважды, причем один раз сознательно...

Оставалось только радоваться, что перенапряжение в плане использования пси-силы не привело к более существенным проблемам типа эпилептических припадков, чего Роев очень опасался. Ибо было с ним такое в моменты раскачки ментального потенциала, так что неудивительно, что перенапряжение могло бы снова их спровоцировать. Но если раньше его в любой момент могли засунуть в медкапсулу и нивелировать негативные последствия, то сейчас такой возможности не имелось. И не факт, что червь смог бы справиться с последствиями. Хотя возможно, что именно его наличие спасало землянина от ремиссии, не давая ему сорваться.

Что касается раскачки ментальных способностей, то их производили сложным методом хирургического вмешательства в головной мозг с внедрением каких-то дополнительных элементов биологического происхождения и медикаментозными средствами. Мозг, понятное дело, этому непотребству сопротивлялся как мог, отторгал чужеродную органику, отсюда и эпилептические припадки.

Но медицинские технологии высокоразвитой космической цивилизации вполне успешно подавляли это его стремление, так что экспериментаторша в итоге добилась своего, и как результат изначально относительно средний показатель ментоактивности Владислава ранга «В» восьмого уровня достиг начальных уровней ранга «А».

Ранг «А» – это уже очень серьезные псионические возможности. Даже ранг «В» делал из человека не слабого паранормала с возможностями, о которых простые люди могут только мечтать. Чего только стоит сознательное предсказание события, пусть и на короткий проме-

жуток времени – от нескольких часов до суток?! Да только за одну такую способность масса людей душу дьяволу продаст. Что уж говорить о вмешательстве в разум рядом стоящих людей с возможностью восприятия его органами чувств, управления телом, отдачи приказов и даже считывания памяти и мыслей? Ну и не стоит забывать о телепатии и телекинезе на небольших расстояниях, а также о кратковременной левитации и пирокинезе, а в отдельных случаях даже искажении гравитации.

Понятно, что псион ранга «А» может все то же самое, но на порядок лучше.

Конечно, такие возможности в обычных условиях – это именно потенциал, реализуемый, если установить соответствующую нейросеть, дополненную нужными имплантами и закачанными базами. Потому как ничего такого сверхэкстраординарного Роев на Земле за собой не замечал. Так, по мелочам было что-то...

Но в том-то и дело, что условия были необычными. Эхинацея нашла способ развить псионические способности без внедрения нейросети, а с помощью вживления биоимплантов.

Правда, и в этом случае способности давались не за здорово живешь, всему требовалось учиться, много и упорно тренироваться. С этим у Роева имелись определенные трудности, так как времени на учебу у него до сих пор в значительном количестве не имелось. А потому, несмотря на высокий ранг, в реальности он мог столько же, как какой-нибудь слабосилок ранга «В».

До сих пор все его псионические возможности проявлялись больше на рефлексах в экстренных ситуациях, как тот же пирокинез и предвидение, а о левитации и тем более искажении гравитации даже речи не шло. Лишь телекинез и особенно ментальное вмешательство в разум других людей было развито целенаправленно экспериментаторшей.

А вот появится ли у него достаточно времени для вдумчивых тренировок всех этих способностей до приемлемого уровня освоения, это еще, как говорится, бабушка надвое сказала. Так как бункер Древних – это те тот объект, что клановцы просто так оставят в покое, ибо в нем находится еще куча артефактов исчезнувшей цивилизации, которые стоят просто умопомрачительных денег. Не говоря уже о пресловутой работающей системе РЭБ, что подавляла работу нейросетей, а про простую электронику и говорить нечего. Ради обладания такой технологией... даже страшно представить, что могли сделать страждущие ее получить.

1

На восьмой день Владислав четко осознал, что практически выздоровел и дальше валяться пластом, изображая из себя умирающего лебедя, это уже каприз, недостойный мужчины. Окончательно перестали беспокоить ранее полученные раны, а также ушли в прошлое негативные эффекты от ментального перенапряжения, нет наркоманской ломки, и теперь можно снова проявлять псионическую активность, но без фанатизма и тем более не используя допинг, чтобы не спровоцировать рецидив.

А то ведь по бункеру шататься, не имея возможности влиять на тварей в ментальном плане, опасно для здоровья. Твари, особенно «боссы уровня», быстро агрились на чужака в своей зоне обитания, принимая за конкурента, и если ты не в группе хорошо вооруженных сталкеров-чистильщиков, то все могло закончиться крайне печально.

А еще его вдруг осенило, что он знает об этих тварях, а также окружающей растительности все, то есть абсолютно все, что только можно знать о живых существах и растениях. Вот стоило сконцентрироваться на какой-нибудь твари или растении, и в голове словно разворачивалась энциклопедия со всеми ТТХ объекта.

Ощущение было... странное. А как еще описать то состояние, когда становится доступной доселе неизвестная тебе информация? Ведь он знал все не только о местных тварях, но и информацию общего плана. Вот ты абсолютно ничего не знал о такой науке, как, к примеру, бриология, даже не слышал о такой, и вот как по волшебству ты знаешь о мхах практически все. Мечта халявщика-двоечника.

Информации было много. Стоило только на чем-то сосредоточиться – и помимо фонового или общего сведения о той или иной биологической дисциплине (например, цитология изучает строение клетки) появлялись практически энциклопедические знания о той же самой клетке, их видах, составе, функциях и так далее и тому подобное.

А ведь до сего момента Владислав о клетках знал лишь немногим больше того, чем то, что преподают в школе на уроке биологии.

И так по куче других направлений биологии, а также медицины, химии. И не только. Появилась общая информация о Содружестве, юридических нормах и еще по мелочи. Правда, последние знания были довольно скупы, лишь общие сведения.

Поражала четкость доступной информации. Владислав знал конкретные формулировки тех же основополагающих законов (близкий аналог – это статьи Конституции), словно считывал с листа. Особенно его поразило правило десяти. Напало десять человек на одного и давай у него вымогать деньги в «подарок» под так называемый протокол – это законно, а вот если уже на одного больше, – это уже преступление.

«Ну и бред...» – подумал ошарашенный Роев.

Впрочем, удивлялся этому факту он не сильно долго, вспомнил о тех же людях с условно положительной патологией мозга, которые помнили абсолютно все, что видели, читали, слышали и говорили сами. Вот и этот мозговой червяк имеет ту же особенность хранения и передачи данных. Все-таки это творение Древних. Оставалось только поражаться тому, что их творения не деградировали за все это время естественной эволюции.

– Так... значит, информация все же благополучно скопировалась на носитель... И мое сомнамбулическое состояние помимо всего прочего связано еще и с ее освоением, – удовлетворенно пробормотал Роев. – Хотя в случае с паркурщиком такого не было. Или было?

Владислав припомнил первый невольный опыт копирования чужой информации посредством... мозгового червя.

Тогда в джунглях он схватился врукопашную с местной обезьяной, в итоге победил, но и сам оказался не дееспособен, потрепал его паркурщик неслабо. И вот пока он валялся на

границы между явью и потерей сознания, из его головы вылез червяк. Залез в голову паркурщика, а через какое-то время вылез и снова забрался в голову первоначального носителя, принес с собой знания, что были накоплены информационным донором. После чего Владислав стал чувствовать себя в джунглях как дома. Правда, доверять новым знаниям в некотором плане все же стоило с оглядкой, все-таки человек не паркурщик-обезьян, разная физиология, но это уже мелочи адаптации, и коррективы внести несложно.

Вот Роев сейчас и сравнивал ощущения.

«Пожалуй, да, похоже, – не сильно уверенно подумал он. – Те же кошмары... это не просто кошмары, а своеобразное освоение материала. А что до сроков, то просто у паркурщика объем информации на многие порядки меньше, чем скопировано из мозга ученой, вот и плющило меня в первый раз сравнительно недолго. Удивительно, что червяк размером с палец вообще смог впитать в себя всю информацию».

– Или все же не всю? Как узнать? – задался землянин вопросом. – Ладно, позже разберемся с полнотой объема скопированной инфы... Сейчас надо свои ментальные силы проверить. Не деградировали ли они?

Роев начал тестирование своих ранее относительно хорошо развитых псионических возможностей. Выбрав летающего таракана в качестве марионетки, он воздействовал на него, подключаясь к нервной системе. Подключение произошло без особых проблем, и Владислав получил возможность ощущать окружающее пространство посредством рецепторов таракана-марионетки.

Запах, осязание, зрение, а главное, управление. Владислав немного поигрался марионеткой, заставляя летающую тварь выписывать в воздухе различные фигуры высшего пилотажа, а также провел воздушный бой с парой жуков, что сагрились на неадекватно ведущего себя таракана. Инстинкт говорил им, что неадекват болен, а именно больных хищники сжигают первыми. Но марионетка была не беззубой, и Роев сбил одного жука, метко плюнув в него ядом, а второго одолел уже в жестокой руко... то бишь лапо- и жвалопашной схватке, откусив голову.

Кровавая схватка привлекала других тварей, но от своей марионетки Владислав их отогнал, погнав волну страха. Она ему еще была нужна, благо марионетка почти не пострадала. Подумаешь, одной лапы не хватает и хитиновый покров, прикрывающий крылья, немного кислотой поеден.

– Ладно, пора проводить, как там поживает моя... гостя, – определился он со статусом женщины-ученой, с которой свела его Судьба, что оказалась той еще юмористкой...

Роев послал таракана-марионетку вперед по коридору в качестве разведчика, на тот случай, если в его зоне обитания появился босс уровня. Справиться с таковым без использования тяжелого вооружения, только используя пси-силу, Владислав не факт что смог бы, и он это прекрасно осознавал, так как некоторые так называемые боссы имели некоторый иммунитет к ментальному воздействию.

Роев из «трофейной» памяти даже понял, почему они имеют такую защиту и как ее можно использовать в защите простых людей. Надо только сделать операционное вмешательство в мозг и прикрыть специальными биоимплантатами участок мозга, отвечающий за ментальное восприятие. Правда, если человек при этом был хоть немного псионом, то после такого вмешательства он может забыть о своих способностях напрочь. Также из-за такого вмешательства падал интеллект, так как эти два показателя были взаимосвязаны, но тут уж ничего не поделаешь...

А таскать с собой пулемет или огнемёт с кислотником не хотелось из-за лишней тяжести. Тем более что пока одолеешь броню того же крамба или молотобойца, не говоря уже о черепахине из того же пулемета... В общем, Роев считал, что лучшая битва – это та, которой не было.

К счастью, никаких боссов уровня в его зоне обитания не обнаружилось (повывел, новые же пока не успели вырасти), а для обнаглевшей пузатой мелочи хватало либо притвориться невидимкой в ментальном плане, либо, если это не срабатывало, послать волну страха.

Но чем ближе Владислав подходил к зоне обитания Эхинацеи (а поселил он ее в «желтой зоне», практически вычищенном от местной биосферы секторе, где тварей было не так много, как в «красной» зоне), тем медленнее двигался, разворачивая свое восприятие до предельно возможного в его состоянии максимума, на предмет возможной засады. Даже лишний раз проверил, как хорошо выходит пистолет из кобуры. Существовала ненулевая вероятность, что им придется воспользоваться по прямому назначению.

«Прошла у нее амнезия или нет?» – несколько нервозно подумал он.

Ведь если она все вспомнила, то неминуема мощная ментальная атака, и не факт, что он сможет отбиться, и пистолет не поможет. Она его самого из этого пистолета, превратив в марионетку, может заставить застрелиться.

Вновь появилась мыслишка, что с ученой следовало поступить по формуле «нет человека – нет проблемы», но если он не смог убить ее сразу после схватки, еще находясь во взвинченном состоянии, то сейчас и подавно.

Роев также осознавал, что дело не только в невозможности убийства вроде как невинной ученой, ставшей таковой вследствие потери памяти и не отвечающей за забытые действия, но и из-за того, что ему стало невыносимо тяжело оставаться в одиночестве. Увы, человек – стадное животное (всякие одиночки – это психически нездоровые люди), и чтобы не слететь с катушек, ему время от времени требуется обыкновенное общение. Не говоря уже о чем-то большем...

2

Подойдя к двери, отсекающей «желтую зону» от «красной», Роев не засек ничего подозрительного в ментальном фоне и потянул рычаг, сдвигая дверь.

Гостя обнаружила сидящей неподалеку возле модуля, что подогнал ей Владислав еще до того момента, как «выпал в осадок», и жарила какую-то скорпионообразную тварь, используя в качестве костра огнемёт в режиме горелки, потому как с дровами в «желтом» секторе откровенно никак. Да и в «красном» не лучше, они там так сильно насыщены влагой, что больше дымят, чем горят. Хотя если их хорошо прокалить в пламени огнемёта, то получаются неплохие угли для вдумчивой готовки шашлыка.

– Привет... – поздоровался Роев, силой воли заставив себя не хвататься при виде женщины за пистолет и остаться внешне расслабленным. – Как успехи?

– Здравствуй... – вскочив еще в момент открытия дверей, ответила Эхинаcea.

Женщина настороженно рассматривала Владислава, не спешившего закрывать проход.

Так и стояли некоторое время, изучая друг друга, как два хищника пусть и одной породы, чтобы в следующий момент либо начать смертельную схватку, либо обхаживать друг друга для... установления более тесных отношений.

Будучи сильным псионом, Эхинаcea не могла не ощутить исходящую от Роева агрессивную опаску в отношении нее. Впрочем, истинную причину такого поведения она прекрасно знала, Владислав, ничего не скрывая, еще в самом начале поведал обо всем, что произошло между ними, так что понять его было можно. Потому и не делала ничего, что в принципе могло его спровоцировать на атаку. Хотя еще неизвестно, кто бы победил в этой схватке, он или она, но даже если и она, то это будет не то. До противостояния дело доводить не следовало.

Ее девичья резкая импульсивность откровенно шла в диссонанс с довольно зрелым обликом, что Владислав невольно стушевался. А может, еще и от того, что помимо настороженности в чувствах Эхинацей проскользнула радость.

«Непонятны только причины, – думал он. – То ли действительно это просто радость от встречи той восемнадцатилетней девушки, то ли радость пришедшей в себя ученой, что жертва не откинула копыта и сама пришла в силки...»

– Хорошо, – чуть притушив свои чувства, добавила Эхинаcea после паузы, когда обстановка немного разрядилась, так как никто не спешил немедленно атаковать.

– Это хорошо, что хорошо... – буркнул Роев, также стараясь приглушить свои эмоции, одновременно закрывая дверь.

Чувствовал он себя все еще неуверенно. В конце концов, не дело, когда с твоей стороны сквозит опаска, так и откровенным трусом могут посчитать, что совсем нехорошо для имиджа и дальнейших отношений.

– Как я понимаю, память к тебе не вернулась, – констатировал Владислав, присаживаясь напротив женщины, что также вернулась к очагу и перевернула жаркое, чтобы не подгорело.

– Нет...

– Наверное, это жестоко с моей стороны, но я этому рад, – невесело усмехнулся Роев, невольно представляя, что сейчас с ним сделала бы Эхинаcea, вернись к ней память.

«Самоубийство» было бы для него самым простым и даже желанным вариантом. Потому как та, сумасшедшая, всласть покуражилась бы над своей жертвой.

– Я тоже.

Ответ Эхинацей Владислава откровенно удивил.

– Почему?

– А зачем она мне нужна?

– Ну как же?... – совсем уже опешил Роев.

Понять такое отношение к собственной памяти ему было сложно.

– Я получила то, о чем мечтала, а именно высокий ранг ментоактивности, а то, как я этого добилась, уже не важно, тем более что ничего хорошего там точно нет.

– В смысле?

– Я более чем уверена, что все эти годы с момента установки нейросети я была занята изучением многочисленных высокоранговых баз данных под разгоном. То есть сутки напролет лежала в учебной медкапсуле, потом несколько дней приходила в себя, подтверждала достигнутые показатели на тестировании и снова ныряла в медкапсулу. Так что из тех десятков лет, что мне потребовалось на получение необходимых знаний, я четыре пятых этого времени провела в медкапсуле. Так о чем, о каких личных воспоминаниях мне жалеть, если у меня в принципе при таком учебном графике не могло быть никакой личной жизни? А даже если и было что-то, то она регламентировалась кланом и от моих желаний ничего не зависело, все на пользу клана, так что жалеть там, скорее всего, не о чем.

Во время монолога Эхинацея распалась, выплескивая в чувствах на предавший ее клан раздражение и негодование.

– Жест... – выдавил Владислав, осознав, что стоящая перед ним женщина по психологическому возрасту действительно всего лишь юная девушка, ибо ей просто некогда было повзрослеть в таком бешеном режиме получения знаний.

Потеряла она действительно немного, и ничего хорошего в потерянном действительно нет. Роев чуть расслабился.

«Теперь понятны причины срыва у нее крыши, – подумал он. – А кого устроит то обстоятельство, что ты потерял столько лет жизни и вся молодость улетела в тартарары?! Каково это ощущать себя восемнадцатилетней, а выглядеть пятидесятилетней старухой?»

– Ну, если личные воспоминания потеряны и боги с ними, то может, профессиональные сохранились? – поинтересовался Владислав.

Эхинацея чуть нахмурилась, прикрыла глаза, словно прислушиваясь к себе, а потом от нее повеяло разочарованием.

– Нет, ничего не могу вспомнить... Но это и неудивительно при удалении нейросети.

– Проверим. Лепидоптерология?

– Я знаю, что это наука, изучающая бабочек. В конце концов, до установки нейросети я интересовалась этой темой, что-то изучала простым чтением, но вот что там дальше... все как-то весьма и весьма смутно.

Эхинацея с разочарованным выражением лица лишь сокрушенно покачала головой.

– Териология, этология, протистология, бионика? – продолжил забрасывать Владислав Эхинацею терминами.

Но она снова лишь покачала головой, сказав с тяжелым вздохом:

– Нет, ничего. Как и в первом случае, знаю, что это за наука и что она изучает, но не более того.

– Мн-да...

– Нейросеть ведь вынута, а вместе с ней потеряны и знания, что закачаны с помощью нее... Все связи в мозгу, сформированные сетью, оборваны и доступа к зонам, где записана информация, нет...

«А может, мой червяк подтер за собой всю информацию, которую из твоей головы скачал, – подумал Роев. – Хотя что-то мне подсказывает, что он тут ни при чем. В конце концов, Древние, создавая его, наверное, хотели размножить знания от одного источника многократно. Какой смысл в черве-копировальщике, если он стирает за собой скопированную инфу?»

– Думаю, это временно, – сказал Роев после паузы. – Организм штука такая, имеет свойство восстанавливать повреждения, так что мне кажется, что рано или поздно оборванные

связи восстановятся либо возникнут новые, и ты получишь доступ к информации, пусть и не в полном объеме.

– Вполне может быть. Да даже если и не получу, не велика беда, – после короткой паузы с улучшившимся настроением ответила Эхинацея. – Все изученное служило только одной цели – усилению ментальной активности, и, поскольку она выросла, мечта осуществилась, то в остальном по большому счету больше нет нужды.

«Но вопрос с мозговым червем надо будет все же как-то прояснить, – подумал Владислав. – Проверить на опыте, затирает он у донора скопированную информацию или нет. Может, это как раз такой развившийся дефект из-за неподконтрольной эволюции. Вот только как? С подопытными как-то не ахти...»

– Раз так, то хвастайся результатами в псионике, о которых ты так мечтала.

– О! Тут у меня все отлично! – радостно засмеялась она. – Смотри!

Пока Владислав выздоравливал, Эхинацея не сидела без дела и интенсивно тренировалась. О методиках тренировки пси-силы она прекрасно знала, так как изучила все, что было только можно, еще до установления нейросети, по источникам из галосети, аналога земного Интернета, только галактического масштаба.

И посмотреть было на что. Эхинацея призвала несколько насекомовидных тварей размером с собаку, несколько летающих и стала ими командовать, заставляя выписывать сложные пируэты, что походило больше на какой-то танец.

– Пока могу свободно управлять примерно двумя десятками тварей.

– Кхе... неплохо... даже очень хорошо, – выдавил из себя Владислав с легкой завистью.

Он тоже мог управлять двумя десятками тварей. Но это был практически его предел, да еще с использованием допинга. Оставалось только надеяться, что с течением времени его возможности возрастут.

Дальше Эхинацея показала свои успехи в телекинезе. Взяв несколько пистолетных патронов, начала крутить их в воздухе, сначала по кругу, а потом стала создавать все более сложные траектории. Этот фокус Роева откровенно морально раздавил. Он в лучшем случае мог поднять три небольших предмета, а о жонглировании ими даже не мечтал. В лучшем случае метнуть.

– Отлично!..

– Спасибо!

Эхинацея, занятая показом своих достижений и излучая гордость и радость, похоже, не замечала угнетенного состояния Роева.

– Левитация!

С этими словами Эхинацея, сделав небольшой разбег, высоко подпрыгнула, метра на полтора, и словно серфингистка заскользила в воздухе с постепенным снижением, а у самого пола покатила как на коньках. Она сделала небольшой полукруг, по сути, вернувшись к Роеву.

– Пока невысоко и недалеко... – сквозь радость с легким сожалением сказала она.

– Это понятно, – выдохнул Владислав, закрыв открывшийся от изумления рот, такого он в принципе не мог.

«Хотя, может, просто потому, что не пробовал, – попытался он себя успокоить. – Надо потренироваться, в конце концов, я псион А-ранга, и это мне должно быть под силу».

– Дальше наверняка будет в разы лучше...

– Ну и последнее!

С этими словами запустив телекинезом патроны во все еще находящиеся под контролем тварей и убив нескольких из них, что лишний раз говорило о мощи телекинеза, Эхинацея с небольшим напряжением, отразившимся на лице в виде плотно сжатых губ и нахмуренных бровей, свела вместе ладони, оставив небольшой зазор, в котором с легким треском вспыхнула красноватая искра. Постепенно искра начала набухать, наливаясь оранжевым цветом, росла

температура... В результате в воздухе повисла настоящая шаровая молния, пусть и небольшого размера, с шарик для гольфа.

«Это уже настоящая магия... – потрясенно подумал Роев. – Прямо классический магический файербол...»

Зависть вновь вспыхнула огнем, так как сам Роев мог создать лишь небольшую искру на одно мгновение. Да и было это всего один раз и то случайно... А вот чтобы держать огненный сгусток таких размеров, да еще порядка десяти секунд, это уже было откровенно не в его возможностях, по крайней мере в не самой близкой перспективе, и он это понимал.

В следующий момент женщина резко выбросила руки вперед, и этот шарик стремительно улетел дальше по коридору, угодив в одну из тварей, от которой остались лишь угольки.

Эхинацея после такого представления, сжав голову руками, с едва слышным стоном чуть пошатнулась, так что Владиславу пришлось ее подхватить за талию, чтобы она не упала.

– Спасибо.

– Не за что...

«Специально, что ли, подстроила?» – подумал он, почувствовав удовлетворение с ее стороны в момент соприкосновения.

– Не стоит так сильно перенапрягаться... а то еще надорвешься.

– Да, я понимаю... С телепортацией пока не получается, как и с изменением гравитации. Владислав только головой покачал.

– Ну, не все сразу... – сказал он и дал следующее задание: – Попробуй позвать меня мыслеречью.

Эхинацея чуть напряглась, все-таки эту способность тренировать в одиночку сложно, даже зная теоретическую базу. Нужен напарник.

Секунд через десять Владислав услышал голос в своей голове, пока невнятный.

«Р...ой...»

«Не торопись», – послал он мысль.

У Владислава с мыслеречью как раз было очень даже неплохо.

Это только сбило Эхинацею, но и одновременно помогло.

«Меня слышно?»

– Слышно-слышно, – не смог удержаться от улыбки Роев, увидев лицо Эхинацеи, которое выражало неуверенность и надежду на удачный результат, это было очень умильно, что-то похожее на выражение лица Кота в сапогах из мультфильма «Шрек». – Попробуй показать картинку...

Владислав при этом сам транслировал образ этого самого кота в сапогах, благо на это не требовалось много пси-силы. На эту картинку Эхинацея только фыркнула, теряя концентрацию.

– Этот зверь прикрывается шляпой, потому что голый? – спросила она.

– Нет... там в другом фишка. Потом расскажу. Перешли мне его видоизмененный образ обратно.

Через минуту Роев получил образ кота в ответ, только теперь он уже был полностью облаченным в скафандр.

Мысленным общением и трансляцией картинок они занимались минуты две.

Вслед за мыслеречью и передачей образов протестировали телепатию, то есть считывание мыслей. А заодно потренировались в защите своего разума от подобного вторжения.

– А как у тебя с предвидением? – спросил Роев, осознав после таких показанных впечатляющих результатов в пси-активности, а также подозрительного поведения по отношению к нему, что гостью нужно срочно занять реальным делом, дабы дурные мысли в голову не

полезли. А то было что-то такое в ее желаниях, что он считал во время тренировок телепатии, а она попыталась скрыть. Потому, собственно, с телепатией быстро закружились.

Что касается предвидения у самого Владислава, то оно вскрывалось лишь эпизодически в стрессовые моменты, а вот целенаправленно что-то предсказывать у него не получалось.

«Да, наверное, это и неудивительно, ведь я сам формирую повестку дня, – подумал он. – Или это ничего не значит?..»

Эхинацея тем временем чуть прикрыла глаза и после короткой паузы неуверенно сказала:

– Сейчас пойдем готовить себе помещения для обустройства нормального жилья?

– Верно, – кивнул Роев, – именно такие планы у меня были.

– Ура! – радостно воскликнула Эхинацея и даже несколько раз хлопнула в ладоши.

Роев только вновь в легком смятении качнул головой. Диссонанс между поведением и обликом продолжал приводить его в ступор. Но поведение девушки-женщины ему было более чем понятно. Ей тоже изрядно надоело спать в тесном модуле, хотелось нормальной жилой комнаты со всеми необходимыми в обиходе мелочами, вроде той же кровати. А сделать ее и многое что еще из лиан не проблема, особенно если использовать свои псионические возможности...

3

В качестве комнат для проживания выбрали небольшие помещения в двадцать-тридцать квадратных метров на одном из этажей лабораторного блока. Что в них располагалось изначально, предположить было сложно, начиная от обычного склада каких-нибудь расходников, инструментов, всяких пробирок или химико-биологических реактивов до... черт их Древних знает. Может, реально комнаты отдыха были, плюс всякие раздевалки, столовые и так далее и тому подобное. По крайней мере, ничего для опознания не сохранилось. Лишь небольшие практически неуничтожимые артефакты валялись на полу тут и там.

Комнаты вообще были забиты растительностью и колониями разнообразных насекомовидных тварей, что стремительно и яростно атаковали, стоило только открыть дверь. И даже ментальные удары не всегда могли подавить нападение. А потому первые атаки тварей Роев сбивал специально прихваченным как раз для такого случая огнеметом. Эхинацея страховала с кислотным распылителем.

- Выбери любое помещение и начинай вычищать. Только без перенапряга.
- Спасибо!

Эхинацея с энтузиазмом взялась за дело, а если точнее, то припахала для работ обитающую в окрестностях живность. Оно и правильно. Сначала она заставила своих марионеток атаковать уцелевших и затаившихся в зарослях в приглянувшейся ей комнате тварей, похожих на уже встреченных Владиславом сколопендр, потому как прежние хозяева оказались почти невосприимчивы к ментальному управлению, и выгнать их, просто нагнав на них страху, не получилось.

Схватка разгорелась жаркая, сколопендры бились до последнего, но, несмотря на всю их эффективность, против многократного превосходства в численности поделаться ничем не могли. Атаковавшего Эхинацею микробосса она схватила телекинезом и буквально раздавила с гримасой отвращения, тварь аж брызнула во все стороны ошметками. Оно и понятно, королева сколопендр выглядела до предела отвратительно, аж до тошноты.

Следом в свою комнату Эхинацея нагнала кучу разных тварей, что начали активно пожирать как трупы своих марионеток и сколопендр, так и всю сколько-нибудь съедобную растительность.

Пока марионетки занимались обжорством, Эхинацея помогла Роеву зачистить выбранную им для себя комнату. В своей комнате Владислав больше полагался на привычное оружие, то есть огнемет и кислотник, сжигая и растворяя все, что можно было растворить и сжечь, благо комнату он взял совсем небольшую, буквально каморку на десять квадратных метров. На свои псионические способности он пока не полагался.

После того как в комнатах была сожрана вся биомасса, Роев обработал несъедобные остатки (по сути подножный слой) специальным химическим раствором, оставшимся от чистильщиков. За пару часов тот превращал аналог почвы в золу. Осталось только нагнать новые стаи тварей и заставить их сожрать эту несъедобную массу.

Они, конечно, не хотели травиться, но кто ж их спрашивать будет. Надо, значит, надо. Вот и набивали брюшки золой...

После того как комнаты были вычищены, осталось провести лишь дезинфекцию, что, собственно, Владислав и проделал, хорошенько обработав стены, потолок и пол. Потом осталось только все сполоснуть водой и нагнать новых тварей, чтобы они эту воду, что скопилась на полу, всю выпили.

На всю операцию зачистки ушел один день.

– Ну вот и все... – сказал Роев, закрывая двери в комнаты после финальной химобработки. – Пусть несколько часов постоит, окончательно все высохнет, после чего можно смело заселяться.

Эхинацея только кивнула, а потом спросила:

– И что дальше?

– В смысле?

– Что ты собираешься делать?

– Налаживать быт... – попытался прикинуться валенком Владислав.

– Я не об этом...

– Да понял я, о чем ты, не совсем уж дурак... – устало вздохнул Роев. – Не знаю. Не заглядывал я так далеко... В смысле не планировал, – поправился он, ибо у них как псиоников слово «заглядывать» стало слишком двусмысленным. – У меня слишком мало информации, чтобы строить сколько-нибудь долгоиграющие планы, как тактического, так и стратегического характера. Я ведь о вашем мире мало что знаю, на уровне первого ранга базы знаний Содружества. Это слишком обще, никакой конкретики. Все, что я видел сам – это вот этот бункер да небольшой кусочек джунглей. О возможностях вашей техники я имею столь же очень смутное представление, хотя успел схлестнуться с несколькими боевыми дроидами. Но как я понял, они были не самыми новыми в техническом плане, то есть морально устаревшие, и что могут боевые дроиды следующих поколений, я могу только фантазировать. Строить планы, основываясь на собственные фантазии? Это как минимум глупо, ты не находишь?

– Ты прав...

– Понятно, что в покое этот бункер, а следовательно и нас, не оставят, потому нужно готовиться к встрече. Но прежде чем готовиться, нужно понять, к чему именно.

– Тут я могу немного помочь...

«Все, что ты знаешь, известно и мне, – подумал Роев, невольно почесав голову, – но этого слишком мало, чтобы составлять серьезный план».

Только рассказывать об этом он не спешил, так как придется сообщать о мозговом черве и признаваться в копировании знаний. Конечно, на тот момент они были непримиримыми врагами, но... по большому счету они пока не являются такими уж большими друзьями. Стоит памяти вернуться – и все вернется на круги своя, так что пусть теперь его знания будут своеобразным джокером.

– Во фронтире пользуются максимум шестым поколением техники: медкапсулы, дроиды, корабли... Точнее, это общедоступный уровень. Понятно, что желающие могут достать седьмое, восьмое и даже девятое поколение, как, например, относительно богатые кланы, вроде нашего, иначе на шестом поколении я не изучила бы все необходимые базы знаний и за сто лет... – тем временем продолжала ликбез Эхинацея.

Владислав слушал, думая о своем, время от времени кивал, дескать, может, чего умное скажет, ведь она и вправду совсем не дура, учитывая ее интеллектуальный индекс.

– ...Потому нам нужны живые аналоги этим дроидам.

– Что-то похожее я уже использовал против ваших охотников, – «включился» Роев. – Вырастил специально крамбов, помимо улучшенного управления мне даже удалось увеличить их рост и толщину брони, плюс налепил внешнюю защиту... Не сказать, чтобы они мне сильно помогли. Охотники с простым оружием разделали их на потроха, филе, окорочка и прочие ингредиенты.

– А эти твои марионетки были вооружены дистанционным оружием?

– Нет, конечно. Это были бойцы ближнего, так сказать рукопашного боя.

– Так надо их вооружить!

– Можно, конечно, попытаться поставить несколько пулеметов, огнеметов и, возможно, даже научить стрелять, при этом еще и метко, но смысл? Все, что мы можем, это вырастить несколько элитных бойцов, но погоды они не сделают.

– Да нет же! – Тряхнула головой Эхинацея. – Это все полумеры. Тем более что в нашем положении боеприпасы крайне ограничены, как, собственно, негусто с вооружением. А этих дробовиков, пулеметов и огнеметов с кислотниками нужны многие десятки, а то и сотни, если не тысячи! Потому как нам нужна целая армия живых дроидов.

– Вот и я о том же...

– Нужны аналоги этого вооружения, при котором не возникнет проблем с боепитанием.

– Тоже не ново, думал я и о таком, – кивнул Роев. – Вот только что и как? Если уж даже бронебойная пуля нормального пулемета крайне неохотно берет броню дроида пятого-шестого поколения, то как сделать биологическое оружие хотя бы сходных с пулеметом возможностей, не говоря уже о более эффективных средствах?!

– Вот над этим и стоит поразмыслить... – задумчиво с отрешенным видом произнесла Эхинацея. – Надо только побольше информации о местной флоре и фауне собрать...

«Может, мозгового червя ей подсадить и скопировать ей ее же инфу, чтобы не мучилась зря, делая уже однажды проделанную работу, – подумал по этому поводу Роев. – Она ведь несколько лет этих монстров изучала...»

Но торопиться Владислав не стал, надеясь, что, как и сказал ей, рано или поздно нейронные связи восстановятся и она получит доступ к хранящейся в мозгу информации. Как-то сомневался он в том, что червь стирал копируемые данные у донора.

4

Эхинацея иступленно занималась тренировкой своих псионических возможностей, доводя себя до грани. Тут, как и с накачкой обычных мышц, требовалось максимальное напряжение с постепенным увеличением нагрузки. Кроме того, это помогало ей перенести обрушившийся на нее шок. При этом она старалась не смотреться в отражающие поверхности, благо их почти не было, и не смотреть на себя глазами тварей-марионеток, потому как вместо себя восемнадцатилетней видела какую-то вредную тетку пятидесяти лет.

Ведь в ее осознании она еще вчера была дома, мать учила ее всяким женским штучкам, общалась с многочисленными сестрами и братьями, готовилась к установке нейросети, чтобы стать ученой, и вдруг она оказалась в каком-то страшном месте, а в нее, криво ухмыляясь, целится из пистолета лысый мужик. Так и с ума недолго сойти. Если уж на то пошло, то даже удивительно, что не сошла, при ее-то предрасположенности...

Что касается произошедшего ужаса с «перемещением», то почти сразу все выяснилось. Рой рассказал ей, что да как, и она чувствовала, что он ей не врет, а распознавать ложь она умела благодаря своим ментальным способностям. По всему выходило, что она потеряла память в схватке с этим Роем (тут еще, скорее всего, наложилось удаление нейросети), и он ее не убил.

«А никто из моих родных не стал бы так рисковать, – с чувством благодарности и облегчения думала она. – Потеряла память, не потеряла, все равно чужак – это угроза».

Что касается своих родных, то после всего произошедшего на выходе из бункера к ним она не испытывала ничего кроме ненависти, по крайней мере это касалось отца, ведь без его одобрения по ней точно не стали бы палить с орбиты.

Почему так поступили, тоже было в целом понятно, она добилась своей тайной мечты, стала сильным псионом, но из-за невменяемого поведения ее испугались до мокрых штанов. В конце концов, что может прийти в голову сумасшедшей да еще псионику?! Это же как ядерная бомба в руках обезьяны: то ли нажмет на кнопку активации, то ли нет. Точнее, скорее всего, нажмет... Но все равно неприятно, потому к своей семье и в целом к клану она больше не испытывала никаких теплых чувств. Теперь она изгой.

Обеспечив ее жильем в виде модуля от транспортного средства и водой, Рой удалился, предупредив:

– Меня не будет несколько дней... не знаю, сколько точно проваляюсь... ко мне не приближаться... возможно, буду не совсем во вменяемом состоянии, и если увижу тебя, то по старой памяти... которой у тебя нет, могу отреагировать неадекватно. Так что не скучай и тренируй свои пси-способности. В этом секторе довольно безопасно, тварей самый минимум, но без дробовика никуда не ходи и огнемёт с кислотником держи наготове, чтобы отбиться, если твари вдруг на тебя сагрятся... Поняла?

– Да...

– Тогда до встречи.

Вот она и тренировалась, овладевая столь желанными псионическими способностями. Скорее даже восстанавливала уже имевшиеся умения, очень уж легко все давалось, так что уровень мастерства повышался очень быстро.

Что касается памяти, то она не была уверена, что хотела все вспомнить. Зная о своей не совсем устойчивой психике, что не смогла исправить даже нейросеть со специальными курсами лечения, не трудно было догадаться, что с течением времени состояние прогрессировало и в какой-то момент она окончательно пошла вразнос. До каких пределов она докатилась и что при этом творила, знать было совсем ни к чему.

Разве что жаль было баз знаний по биологии и медицине, на изучение и освоение которых она потратила эти три с лишним десятка лет. Вот это Эхинацея не прочь была вернуть, так как подобная информация в условиях тутошнего обитания могла быть крайне полезной.

Несколько раз Эхинацея порывалась навеститься к Рою, но останавливало предупреждение. Находясь в невменяемом состоянии, он действительно мог ее убить, подумав, что по его душу пришла та прежняя, двинутая по фазе женщина, что зачем-то охотилась за ним, для чего даже сама вынула из себя нейросеть и спустилась в бункер.

«И зачем я это сделала? – удивлялась она своему поступку. – Неужели настолько сильно потекла мозгами? Бр-р...»

Ее страшило то, что рано или поздно все могло повториться. Скорее даже рано, чем поздно. Либо она все вспомнит и захочет завершить начатое, либо снова свихнется по естественным причинам, ведь мозг-то остался прежний. Лишь амнезия на фоне удаления нейросети откатила назад ее состояние, но накопившиеся отрицательные изменения в мозгу никуда не делись, и все могло пойти по накатанной колее.

– Разве что раньше у меня был ниже уровень ментоактивности и сейчас я сама могу воздействовать на себя... Хотя не уверена, что смогу помочь себе сама, для этого нужны знания, которые недоступны... Разве что Рой как-то сможет помочь?

Сама того не осознавая, она запустила механизм своего недуга под названием заикленность, и его объектом стал Владислав. Причем это случилось повторно. С этого момента Роев почти не выходил из ее головы, она думала о нем чуть ли не каждую минуту, пусть и в фоновом режиме.

Когда он наконец вновь появился, Эхинацея, с одной стороны, искренне обрадовалась, но с другой – напряглась. А что ждать от чужака мужчины по отношению к ней – женщине, тем более от дикаря? Вот возьмет и набросится на нее как какой-нибудь варвар, столь долго находившийся без женского внимания.

Но нет, он не только не стал проявлять по отношению к ней насилия, но проявил сочувствие. Разве что ее смутило несколько настороженное отношение Роя к ней. И эта настороженность постоянно присутствовала в его ментофоне, что ее сильно печалило, хоть она и понимала причину его опаски. Но Эхинацея хотела, чтобы Рой не воспринимал ее как опасность.

Потом после зачистки комнат было их обустройство простейшими предметами обихода.

Освещение установили, смонтировав несколько панелей со светящимися микроорганизмами внутри. Правда, для «выключения» панели приходилось накрывать ее плотной тканью.

Кровати сделали из лиан. Работать с этой древесиной было одно удовольствие. Она отлично держала форму, если задать ее с применением пси-силы. Так из стволиков сделали пружины, застелив их связанными между собой жердями, а сверху еще и матрац из мха положили. Сделать всякие столики, стулья и прочее так и вовсе не составило труда.

За те несколько дней, что потребовались на обустройство, Эхинацея снова и снова мысленно возвращалась к Рою. К врагу, отнесшемуся к ней куда как благородно. Уж чего-чего, а такого да еще от дикаря точно она не ожидала. Даже более того, было куда как естественнее и понятнее, если бы он проявил к ней насилие во всех смыслах этого слова.

Конечно, несмотря на то, что он пришел в себя, выглядел по-прежнему не слишком хорошо и избегал использовать свои псионические возможности. Но... даже если предположить, что он опасается атаковать ее в реальности, чтобы не получить в ответ ментальной оплеухи, то даже в мыслях он не желал ее, что Эхинацея чувствовала вполне отчетливо. В конце концов, они тренировались в телепатии, и она даже тени мысли в этом направлении не обнаружила, несмотря на провокации: то нагнется больше, чем надо, показав изгиб своего тела, благо комбинезон позволяет, то как бы невзначай дотронется до него. Но всякие попытки сближения словно наталкивались на стену. Рой продолжал держать дистанцию.

Ей где-то в глубине души даже обидно стало. Дескать, ею пренебрегли как женщиной. Даже злость на него появилась.

«Я точно ненормальная... – со вздохом подумала она, осознав этот момент и подавляя возникшее чувство антипатии к дикарю. – В конце концов, за это надо быть благодарной... А может, это все из-за внешности?! Я непривлекательна! Да еще волос нет! Ужас какой!»

– Нет... внешность его моя не отпугивает, – пробормотала она, припомнив его чувства в моменты встречи, и какого-то отвращения или пренебрежения точно не было.

В общем, все то время, пока шла зачистка помещений, предназначенных для более комфортабельного проживания, а также первичного обустройства комнат, Эхинацея изводила себя сомнениями, всячески накручивала себя в психологическом отношении.

Появилась некая маниакальность в желании сблизиться.

В такой ситуации в любой момент мог произойти нервный срыв с непредсказуемыми результатами.

– Псионик я или не псионик?! Надо просто посмотреть варианты выхода из ситуации, – осенило ее в какой-то момент.

Эхинацея вошла в медитативный транс...

5

Проснулся Владислав от ощущения чужого присутствия поблизости. На тварей он, точнее его ментоинформационное поле, сиречь аура, уже давно не реагировала, но на приблизившуюся ауру инстинкты Роева среагировали как на угрозу высшего порядка. Но оно и понятно, очень уж много ее обладательница принесла ему боли, вот чисто на рефлексх орет тревогу и принимает оборонную стойку, в любой момент готовая атаковать.

Изменение в состоянии ауры спящего, а точнее уже проснувшегося, Эхинацея не могла не заметить, а потому сказала мыслеречью:

– Это я...

– Это я уже понял. Собственно, тут никого другого и быть не может.

Тут Владислава, попытавшегося разобраться в оттенках чувств гостьи, что было непростым делом, накрыло. Видение...

От этих пронесшихся в одно мгновение красочных картинок он с трудом пришел в себя, что до самого видения, то... он словно порнофильм посмотрел с участием себя и Эхинацеи.

«Надо же, как меня прихватило, – чуть ошалело и самоиронично усмехнулся Роев. – Но понять меня тоже можно, столько времени монаха из себя вынужденно изображаю, а тут эта понимаешь... Стоп! А фантазия ли это была?! Или же?..»

– Рой...

– Что случилось? – спросил он, снова пытаясь разобраться в гамме транслируемых Эхинацеей чувств, чтобы понять, чего от нее ждать, а то может случилось то, чего он опасался.

– Заходи...

Владислав, быстро одевшись в комбинезон, открыл дверь в свою комнату, запуская все еще остающуюся для него подозрительной женщину.

– Спасибо...

Что до чувств, что стали из нее фонтанировать в несколько раз ярче при встрече, то тут была и опаска, и неуверенность, приправленные сладостным предвкушением и даже смущением, но самое сильное чувство, что она испытывала, – желание. Оно было настолько сильным, что захватило Владислава. Он точно струна среагировал на вибрацию камертона.

«Любовь ли это с ее стороны? Бог весть, но страсть точно! Причем бешеная, что неудивительно с ее психовывихом, – подумал Роев, с трудом вынырнув из потока чужих чувств. – А оно мне надо?»

Будучи профессиональным космонавтом, Роев умел брать чувства под контроль разума, ибо бесконтрольные эмоции в космосе могли привести к гибели. Вот и сейчас он попытался проанализировать ситуацию и найти из нее выход. Ибо близость с Эхинацеей могла привести к еще большим проблемам, так что правильнее было бы сохранять и дальше дистанцию и выдерживать ровные отношения. До сих пор это ему удавалось, хотя он не мог не заметить, скажем так, странностей в поведении Эхинацеи. Но списывал на ее психологический возраст, дескать просто флиртует, играет в любовь, как любая девушка ее психологического возраста, ну и инстинкты ей велят нивелировать возможную угрозу от настороженно относящегося к ней мужчины, а сделать это лучше самым простым и древним способом...

«Но, похоже, все зашло несколько дальше», – подумал он.

Владислав указал на кресло, что сплела сама Эхинацея.

– Что-то случилось? – вновь спросил Роев, присаживаясь напротив.

– Ничего. Просто...

Владислав явственно почувствовал, как палитра эмоций, излучаемых Эхинацеей, стала быстро меняться, начала расти доля смущения, появилась горечь разочарования и даже обиды.

Женщина порывисто встала.

«Э, нет, мне на подводной лодке только обиженной женщины еще не хватало!» – мысленно воскликнул Роев.

Он не понаслышке знал, что это такое, а в его случае это и вовсе может стать сущим кошмаром, ведь она сильный псион, да еще со сдвигом по фазе. А что может сотворить псионик, впавший в ярость... даже его фантазии не хватало, чтобы это представить. Так что проблему требовалось срочно решить.

– Постой... Иди сюда, – как можно нежнее позвал Владислав и протянул руку.

Разочарование сменилось радостью.

Ну а дальше произошло то, что он уже видел в своем видении.

Вот только видеть это одно, а ощутить все наяву – совсем другое. А все дело в том, что они оба являлись псиониками, и это сильно сказалось на испытываемых эмоциях, точнее их восприятию друг друга, что в свою очередь только усиливало чувства, словно срабатывал генератор-усилитель или использовался во все больших дозах допинг.

Мозг буквально выносило от вошедших в резонанс чувств. В какой-то момент они достигли резонансного пика, произошло своеобразное слияние ментальных полей, и Рой с Эхинацеей ощутили себя в прямом смысле единым целым.

Мягко говоря, странное ощущение. Оно даже несколько напугало Владислава.

«А ну как не удастся расцепиться?!» – мелькнула паническая мысль.

«Все будет хорошо, не бойся...» – возникла другая мысль, полная удовлетворения.

Казалось, потребовалась целая вечность, которая на самом деле уложилась в одно мгновение, чтобы понять, что это была ответная мысль Эхинацеи.

Наступило некоторое отрезвление, но к разрыву слияния это не привело. Зато такое чуть отстраненное восприятие происходящего позволило ему увидеть-ощутить себя висящим в космической пустоте...

Однажды Владислав видел карту Вселенной, где каждая звездочка – это галактика, и вот эти точки-галактики объединены в скопления, а сами скопления связаны своеобразными тропками. Так вот это было очень похоже, но в то же время Роев осознавал, что это не вид Вселенной.

Через бесконечное мгновение он понял, что это мозг, энергетическая проекция его мозга.

Вселенная и мозг на самом деле удивительно схожи в своем виде.

Пришло осознание, что каждая определенная зона – скопление галактик – отвечает за ту или иную функцию тела: обоняние, осязание, слух, зрение и так далее. Нашел и зону памяти.

Тут была явно видна аномалия. К этой зоне словно проросли корни, и тонкий, но очень плотный «звездный» жгут шел наверх.

Роев рассмотрел, к чему ведут эти жгуты.

«Так это нейронная связь с моим мозговым червем», – понял он, увидев дополнительную структуру «галактических скоплений», довольно сильно отличающуюся от подобных скоплений в его «вселенной».

Все говорило о чужеродности, главным образом своей гораздо большей плотностью и соответственно жесткой структурированностью, словно атомарная решетка железа в сравнении с той же атомарной решеткой, скажем, алюминия.

Пришло четкое знание, что это биологические банки памяти, а-ля флешки.

«Но об этом я и раньше подозревал...» – отстраненно подумал он.

Обнаружилась и еще одна дополнительная чужеродная система в мозгу, но если черви были внешними и лишь соединялись с мозгом жгутами, то эта находилась в самом центре его Вселенной, возле мозжечка.

Понять, что это такое, не составило никакого труда. Это и есть те внедренные Эхинацеей элементы, своеобразные биологические импланты, призванные усилить его ментоактивность.

Вот только в отличие от соединения мозгового червя, чьи жгуты вросли в «галактические скопления», отвечавшие за память, буквально растворившись в них, интеграция с мозгом у этой зоны была неполной и какой-то дефектной. Часть жгутов уходила в «межзвездную пустоту», часть жгутов были явно повреждены или тоньше, чем требовалось для более полного прохождения сигнала, из-за чего происходила своеобразная перегрузка системы, какие-то жгуты соприкасались между собой, из-за чего, образно говоря, происходили короткие замыкания...

Из-за подобных дефектов связи имплантов с мозгом, собственно, и происходили эпилептические припадки, а часть каких-то псионических возможностей не получила развития. Но, что хуже всего, вероятность повторения подобных неприятностей сохранялась.

Владислав четко увидел, что соединения можно поправить, усилить и даже улучшить, а главное он понял, что может это сделать прямо сейчас.

И сделал. Невидимые руки стали двигать звездные жгуты, правя и соединяя...

Править собственные мозги он не решился, хотя пару моментов, наверное, не помешало бы, но он вовремя вспомнил главное правило программистов: работает – и не трогай.

Захотелось увидеть мозг Эхинацеи.

И вот вокруг сияет новая вселенная с ее сотнями миллиардов галактик, объединенных в кластеры из шаровых скоплений и жгутов, соединяющих эти скопления.

Осмотр показал, что часть жгутов, идущих от кластеров, отвечающих за память, оборвана. Обрывы тянутся друг к другу через пустоту и через какое-то время соединяются вновь самостоятельно, но некоторая часть может соединиться неправильно, условно говоря, синий проводок соединится с красным, а желтый – с зеленым, а то и вовсе к одному проводку прикрепится сразу два или три и так далее, что может привести к частичной потере данных или неверному пониманию данных. Скажем, звуки получают цветовую окраску, кошка будет восприниматься собакой, крокодил – черепахой, нож – расческой и так далее и тому подобное, тот еще кошмар. Какие-то жгуты и вовсе не соединятся и в итоге исчезнут, а значит, содержащаяся в скоплениях информация будет потеряна полностью.

«Эхинацея», – позвал Владислав.

«О, как красиво!» – раздался возглас, полный восхищения.

«Ты позволишь мне исправить эти повреждения?» – спросил он.

«Конечно! Даже прошу тебя! Я бы и сама это сделала, но не знаю, как и что... ведь доступа к данным о мозге у меня нет, и что тут за что отвечает, я не знаю...»

«Сейчас узнаешь», – пообещал Роев. Владислав принялся за работу, восстанавливая разорванные нейронные связи, подключая в единую схему блоки памяти.

«Да! Теперь я все вспомнила! Спасибо!» – воскликнула Эхинацея.

Роев напрягся, ведь она могла вспомнить и то, что забыла из-за амнезии.

«Не беспокойся об этом, – счастливо засмеялась Эхинацея. – Этот кусок памяти мне действительно не нужен».

Мгновение – и десятки сияющих скоплений вдруг потускнели, скукожились и исчезли, оставив после себя пустое пространство.

Дальше Эхинацея занялась своими имплантами, что внедрила себе для увеличения ментальной активности, улучшая и правя связи, как это сделал себе Владислав.

Но останавливаться на этом не стала и начала править уже родной мозг, корректируя все, что только показалось ей неправильным, преобразуя хаотичность в строгий порядок.

«Что ты делаешь?!» – забеспокоился Роев.

«Слегка вправляю себе мозги, чтобы вновь не превратиться в психопатку, – ответила Эхинацея. – Видишь, как тут все неправильно...»

«Только без фанатизма, а то, до предела упорядочив структуру, превратишься в какого-нибудь биоробота – совсем без чувств и желаний...»

«Да, тут ты прав... перебарщивать не стоит, – согласилась она. – Думаю, так будет нормально... Что скажешь?»

«Думаю, что да, теперь все выглядит естественно, даже правильно, так, как должно. Уходим. Лучшее – враг хорошего», – добавил Владислав, почувствовав, что Эхинацея хочет еще что-нибудь себе модернизировать.

«Как скажешь...»

Но вот аурное слияние стало спадать, и вскоре они вывалились в реальный мир.

Буквально рухнули. В прямом смысле этого слова. Аж вскрикнули от неожиданности.

Благо высота была небольшая, и произошло это над кроватью.

Сами того не осознавая, они на пике слияния неосознанно что-то сделали с гравитацией пространства, создав невесомость, и какое-то время парили в воздухе.

Владислав едва удержался от матерного выражения своего отношения к произошедшей неожиданности.

Эхинацея только засмеялась. То, что он не сказал слова вслух, не означало, что его не услышали.

6

– Великолепно! Это было что-то невообразимое! – с восхищением выдохнула Эхинаacea, крепко прижимаясь к Роеву.

– Да уж... – выдавил он.

Владислав был с этим полностью согласен. То, что сейчас произошло, вообразить во вменяемом состоянии было трудно. Он, точнее они, в этом псионическом слиянии прошли по грани, одна ошибка и... неизвестно, что в итоге бы произошло, но не мог не признать, что это действительно было лучшее, что он испытал в своей жизни. Удовольствие столь же яркое и глубокое, как боль от прикосновения к оголенному нерву провода под напряжением.

Особенно радовало, что Эхинаacea сама вправила себе мозги и почистила память. А значит, теперь можно не опасаться удара, фигурально выражаясь, ножом в спину.

«Кстати, о памяти», – подумал он и сказал:

– Давай проверим твои знания. Скажи-ка мне, что такое этология?

– Наука, изучающая поведение, условные и безусловные рефлексy, – словно школьница-отличница начала отвечать Эхинаacea и продолжила дальше как по-писаному, при этом демонстрируя отдельные постулаты этологии на самом Владиславе как на учебном пособии, вновь заставляя его реагировать на ласки.

– Все-все, достаточно, – через минуту сдался Владислав. – Осталось только выяснить, эта абсолютная память у тебя навсегда или лишь следствие недавнего вмешательства...

– Думаю, это останется на постоянной основе, – прислушавшись к себе после короткой паузы, сказала Эхинаacea. – А если и нет, ты мы знаем, как все поправить, да?!

– Верно... Хотя я считаю, что лишний раз в мозгах лучше не копаться.

– Не будем...

Сейчас ей было так хорошо и приятно, что она готова была соглашаться со всем, что он скажет, впрочем, понимала, что вмешиваться в структуры головного мозга лишний раз действительно не стоит. Слишком уж тонкий и хрупкий это инструмент.

– Интересно, какой у нас сейчас ранг ментоактивности? – задумчиво и даже мечтательно произнесла Эхинаacea и создала в метре от себя плазменный шарик, причем уже без дополнительной манипуляции рук, как это было раньше.

Да и размером он от предыдущих сильно отличался. Если несколько дней назад файербол был максимум с грецкий орех, и это был ее предел, после которого наступало истощение, то сейчас размер шарика был раза в два больше, и в ментально-силовом плане для нее это не составляло большого труда. Эхинаacea чувствовала, что может сделать плазмoид и в десять раз больше. Просто это станет уже доставлять им неудобство от сияния и жара, еще подождет что-нибудь ненароком.

Рядом появился второй плазмoид. Это уже постарался Роев. Сейчас пирокинетический опыт давался ему даже не в разы, а на порядки легче. Ведь раньше все, что он, мог – это крохотная искорка, зажженная всего на одно мгновение. Вот что значит глубоинный и тонкий апгрейд своего мозга.

– И что нам теперь с ними делать? – поинтересовался он.

Как оказалось, зажечь файербол гораздо легче, чем потушить. По крайней мере не имея опыта сего действия. Попытка тушения могла привести к потере контроля над энергией, а значит, это все равно, что в комнате взорвется зажигательный фугас. А при таком объеме энергии, что они влили в эти файерболы, от них останутся лишь тени на стене...

«Разве что защитное поле могло бы спасти, но опыта в его постановке у меня в принципе нет, как и у Эхинаacey», – подумал он, чуть поморщившись, так как держать плазмoид в стабильном состоянии столь длительное время становилось несколько напряжно.

– Телепортировать! – засмеялась Эхинацея.

Ее плазмод мигнул и исчез. В следующую секунду где-то за дверью раздался сильный взрыв, что сопровождалось криками боли в пси-поле, так как в огне, что волной пошел по коридору, сгорели десятки и пострадали сотни тварей.

Из памяти Эхинацеи Роев знал методику телепортации объектов и с удивившей его самой легкостью повторил действие.

В коридоре грохнул еще один взрыв.

Потом они сделали еще несколько фэйрболов и запулили их за пределы комнаты. Типа закрепляли умение.

В какой-то момент Владислав вспомнил о своем взрывоопасном «украшении», что до сих пор болталось на шее.

«Надо бы наконец от него избавиться», – подумал он и обхватил ошейник, чтобы лучше его почувствовать.

Несколько секунд на прочувствование, ментальный посыл – и ошейник исчез.

Роеву аж вздохнулось свободнее. Все-таки таскать бомбу на шее, которая в любой момент могла детонировать, не самое приятное чувство.

На почве успехов в телепортации фэйрболов у них возник прямо-таки зуд экспериментаторства в попытке выяснить, что они еще могут, чего не могли раньше или могли, но плохо.

Эхинацея, сосредоточившись, чуть оттолкнулась от кровати, плавно взлетела в воздух и несколько раз перевернулась вдоль своей оси прямо над Владиславом.

– Ну как?!

– Превосходно!

Посмотреть действительно было на что, а особенно потрогать. Несмотря на значительный по земным меркам возраст, тело Эхинацеи было идеальным, упругим как у двадцатилетней, да и формами ее природа не обидела, чего только стоит грудь третьего размера, или она сама себе такую сформировала, ибо местные медтехнологии это легко позволяли, что, впрочем, не суть важно.

Но на этом она не остановилась, и, стоило только Владиславу протянуть к ней руки, она со смехом взмахнула руками, как птица, и взлетела где-то на середину высоты помещения. После чего начала парить по комнате Роева, то как птица размахивая руками, то изображая из себя пловчиху.

– Ну же, присоединяйся!

И Роев присоединился. Вспомнив все, что относилось к данному псионическому разделу, сосредоточился и полетел. Хотя поначалу левитация давалась ему очень непросто, как у велосипедиста, в первый раз оседлавшего двухколесного коня. Но постепенно он наловчился и стал выделять в воздухе фигуры высшего пилотажа, вспомнив свою бытность пилотом ВВС РФ.

Сил у них сейчас почему-то было очень много, явно результат пси-слияния и того, что они себя слегка модернизировали, так что Владислав и Эхинацея устроили игры в догонялки, как угорелые носясь по всей комнате, отталкиваясь от стен, пола и потолка, летая свободно, словно находясь в модуле космической станции.

– Жаль, что ты комнатку такую маленькую выбрал, не развернешься.

– И не увернешься! – добавил Владислав, хватая радостно завизжавшую Эхинацею за талию и прижимая к себе.

– Может, полетим наружу?! Там куда как больше пространства!

– Лучше в другой раз, – призвал Владислав к благоразумию. – Там в коридорах полно злобных тварей, а также прочей пакости, подцепим еще чего-нибудь, стены грязные и вообще...

– Да, ты прав.

Эхинацея мягко приземлилась в кровать. Туда же рухнул Роев.

Тут ее осенило новой идеей.

– Попробуем еще вот это...

Эхинацея встала и подошла к стене, поставила правую ногу на стену, а затем левую, после чего выпрямилась и пошла зигзагом, находясь параллельно полу. Дошла до потолка, и все повторилось, теперь она ходила по потолку как по полу. Дальше вообще разлеглась на потолке точно над Владиславом, заложила руки за голову и положила ногу на ногу.

– Ну как?

– Нет слов...

Роев невольно вспомнил разные фильмы про вампиров и одержимых, что вот так же могли свободно разгуливать по потолку. Невольно возникла мысль, что это все не на пустом месте возникло, были в прошлом на Земле сильные псионы.

«Может, и сейчас есть, просто достаточно умны и осторожны, чтобы не светиться почем зря, чтобы на операционные столы в секретных лабораториях не попасть, – подумал он. – И если светятся, чтобы срубить денюжку с помощью своих возможностей, то маскируют все фокусом, как тот же Дэвид Копперфильд, летавший по залу...»

– Попробуй и ты...

– Почему бы и нет? – согласился он и повторил операцию.

Ходить, правда, не стал, не было уверенности, что получится, а пополз по-пластунски, так гравитационное сцепление было больше. По стене дополз до потолка, а потом по потолку до Эхинацеи, где осторожно перевернулся на спину.

Ощущения от всего этого были неоднозначные. Но разобраться с ними до конца ему не дала Эхинацея. Она набросилась на Владислава с явным требованием ласки с последующим продолжением банкета. Отказываться он не стал, только хмыкнул в мыслях, припомнив народную молву, что спать на потолке неудобно.

«Очень даже удобно!»

Впрочем, на потолке они надолго не задержались. Все-таки псионические силы на поддержание изменения гравитационной составляющей быстро расходуются, накапливается усталость, и, как результат, первым не выдержал Владислав и свалился вниз. Правда, тут же задействовал левитацию, а потому приземлился вполне мягко.

– Сбежать от меня решил?! – дурашливо воскликнула Эхинацея. – Распалил девушку до крайности и дал деру в самый ответственный момент?! Так не пойдет!

В следующую секунду Эхинацея буквально упала с потолка на Владислава, лишь в последний момент притормозив.

– Я требую продолжения!

– Раз требуешь, то придется продолжить! – в тон ответил Роев.

Поскольку пси-силы довольно быстро восстановились, то подумавшись они на славу, вытворяя в меру своей фантазии такое, что простым людям и присниться не могло. Разве что что-то близкое показали в комедийном фильме про вампира «Мрачные тени» с Джонни Деппом в главной роли.

7

Накувыркавшись как в прямом, так и в переносном смысле, и окончательно выдохшись, Эхинацея с улыбкой на устах, положив голову Роеву на плечо, погрузилась в сон, а вот Владиславу не спалось, хотя его этот любовный марафон тоже изрядно вымотал. Да и как тут уснешь, когда смотришь на потолок и невольно вспоминаешь, что они там не так давно вытворяли? Настоящее ведь сумасшествие! Даже не по себе как-то становилось от таких возможностей.

Роев, чтобы отвлечься, невольно в своих думах перешел на тему оружия, что логично, ибо мужская тема номер один – «бабы» – на данный момент полностью закрыта. Остались темы под номерами «два» – техника, «три» – политика и «четыре» – оружие. Но политика это как-то далеко, и ни он на нее повлиять не может, ни она на него, так что неактуально, а что до техники, то в его положении особо выбирать не приходится, остается пользоваться тем, что имеется. А вот с оружием тут есть интересные варианты.

Собственно, имея такие псионические способности, он сам по себе мощное оружие, а-ля гранатомет... и имеет возможность отбиться практически от любого противника, что называется, голыми руками.

«Плохо только то, что эффективно отмахаться могу лишь на коротких дистанциях, – с неудовольствием подумал он. – А это не есть гуд. Один раз отмахаясь, два, а потом меня начнут давить с дальнего расстояния. И тут я уже становлюсь практически беззащитным, только и смогу, что уходить с линии огня, и то не сразу, а лишь хорошо натренировав предвидение. Другое дело, что в конце концов могут жахнуть таким боеприпасом, что мне никаких способностей не хватит, чтобы выскользнуть из-под удара... Значит, какое-то дистанционное оружие мне нужно».

Поскольку он не имел возможности получить нормальное вооружение: ракеты, дроиды и прочую стрелковку, то Владислава, естественно, заинтересовала возможность получения различных средств вооружения в имеющихся условиях и из подручных ресурсов, ибо того, что имеется на руках, даже в условиях бункера хватит максимум на полчаса активного боя. В том, что придется биться, он не сомневался ни секунды, для этого не надо даже быть пророком.

Подумать действительно было над чем. Имея такую обширную базу знаний о местной флоре и фауне, кою собрала Эхинацея, он невольно стал задумываться о том, как можно модернизировать то или иное существо, чтобы получить конкретный результат.

Причем вариантов всплыло так много, по самым разным направлениям: от стрелковки и взрывчатки до живых самонаводящихся ракет, причем по каждой проблеме вылезало сразу несколько вариантов решений. Владиславу пришлось усилием воли ограничивать круг тем для более подробного анализа по каждой конкретной проблеме.

«Начнем с самого простого и понятного, – подумал он. – Вот, например, взять простейший метательный агрегат а-ля винтовка. Что нужно для создания биологического аналога?»

Как полагал Роев, главным элементом, во многом определяющим тактико-технические характеристики любого стрелкового оружия, является даже не столько механика, сколько ствол. И опять же не столько его длина, толщина или нарезы, а именно качество используемого металла, определяющего износостойкость и температурные показатели при длительной стрельбе. А стрелять, скорее всего, придется много и часто, так что ствол не должен быстро перегреваться.

«Хотя в моем случае о металлических стволах вообще стоит забыть, – опомнился Владислав. – Так что нужно урезать осетра и кардинально пересматривать стратегию вероятной схватки. Никаких затяжных противостояний и перестрелок с засыпанием противника сотнями пуль».

– Ну почему, металлический ствол вполне можно сделать в наших условиях, – потянувшись, сказала проснувшаяся Эхинацея, напрашиваясь на поцелуй, и конечно же его получила.

– Э-э...

Роев сильно напрягся. Сильные псионы могут свободно читать мысли, а эта девушка-женщина являлась очень сильным псионом. Не то чтобы у него были какие-то секреты от нее, но все-таки что-то хотелось оставить в тайне, по крайней мере на некоторое время.

– Нет, я не вторгалась в твой мозг, просто ты, увлекшись, слишком громко подумал, при этом не выставив защиту, что аж меня разбудил, – сказала она и добавила обиженно-обвиняющим тоном: – Вы, мужчины, неисправимы, стоит только вас на секунду оставить, как вы начинаете думать либо о бабах, либо об оружии.

– Мужик, который не думает о бабах и об оружии, уже не мужик, – усмехнулся на это Роев. – О других бабах мне думать бессмысленно, их в бункере нет, как не факт, что имеются в ближайшей тысяче километров вокруг, да и зачем мне другие? А что до оружия, то это во многом вынужденные думы. Нам придется защищаться от твоих бывших соклановцев, а значит, нужно изготовить то, чем мы это делать будем.

– Мы псионики, ты не забыл? Всех без всякого оружия в узел скрутим.

– Наши псионические возможности пока сильно ограничены, как по мощности, так и по дистанции. Мы еще очень не скоро сможем силой мысли сбивать с орбиты крейсера...

– Да уж! – засмеялась Эхинацея, представив себе такую картинку.

– Так что нам, по крайней мере на ближайшую перспективу, нужна какая-то альтернатива, чтобы не допускать опасного сближения с собой. В конце концов, не стоит недооценивать противника.

– Ясно...

– Так что ты там говорила о возможности создания стволов в наших условиях? – спросил Владислав у нахмурившейся Эхинацеи. – Ведь у нас нет никакого оборудования, не говоря уже о возможности добычи металлической руды, ее переплавке...

– Металла тут полно, причем самого высокого качества, те же двери. Так что это не проблема.

– Ну да... Как-то упустил этот момент, – согласился Владислав.

– А что до оборудования, то пси-сила на что? Она и есть наше оборудование... Особенно теперь, после нашего самосовершенствования, когда нам стали подвластны не только грубые воздействия, но и тонкие манипуляции.

Роев мысленно чуть скривился, несмотря на имеющиеся знания о возможностях псионов. Как-то сложно это было интерпретировать на свой счет. Непривычно.

Тем временем Эхинацея, дабы подтвердить свои слова примером, подняла в воздух пистолет Владислава, отсоединила магазин и выщелкнула патрон. После чего отсоединила пулю от гильзы. Высыпав порох, поднесла два кусочка металла, и те начали деформироваться, потом слились в один желеобразный комочек...

– Неплохо...

– Что бы из него сделать?

– Дай-ка я... – сказал Роев, ментально перехватывая кусочек металла.

Владислав разделил его на два неравных комочка, и хотя для него это потребовало большой концентрации, чтобы одновременно работать с двумя объектами, он справился и создал два колечка.

– Зачем это?

– В моем мире это своеобразный ритуал окольцовывания двух небезразличных друг другу людей... – хмыкнул Владислав. – Правда, у нас колечки делают из золота, иногда камешки вставляют, но, собственно, важен не столько материал, сколько само значение.

– Спасибо...

Эхинацея протянула руку, и Владислав нацепил на безымянный палец кольцо с помощью телекинеза. А она соответственно – ему, перехватив управление над кольцом.

– Возможность псионического воздействия на металл с целью изменения его формы и отчасти свойств, конечно, интересная, – после паузы сказал Владислав, – но в ближайшее время в полной мере нам недоступная, по крайней мере в массовом применении. Разве что для создания чего-то в единичном экземпляре, какой-нибудь особенно уникальной вещи. А нам требуется настоящая массовость. Сотни, если не тысячи стволов. Никаких пси-сил не хватит...

– Да, с такими объемами мы действительно не справимся, – признала Эхинацея. – Тогда есть другая возможность.

– Какая?

– Вырастить эти стволы.

– Из металла?! – изумился Роев, невольно представив себе картинку, как металлические стволы растут из земли по типу бамбука и остается только спиливать ножовкой по металлу поспевший урожай. – Интересно, чем их поливать и подкармливать надо?

На это Эхинацея только расхохоталась, чуть не до слез, так как Владислав и не думал закрываться в ментале, и считать эти яркие образы было легко.

– Нет, не так... ох... Бактерии.

Владислав с досады едва не хлопнул себя по лбу. Стоило только Эхинацее обозначить путь, как он все понял.

Множество видов бактерий, та же сенная палочка на Земле может накапливать в себе металлы, и, если поместить их в формы и заполнить все раствором, в котором растворен нужный металл, то вскоре они заполнят все металлическими крупинками. И форм этих, самых разнообразных конфигураций можно сделать тысячи.

Обработать пси-силой эти заготовки до нужной кондиции гораздо проще и быстрее, чем создавать изделия с нуля.

Откуда взять раствор?

Нет ничего проще. В бункере полно тварей, что вырабатывают кислоту, способную растворить металл. Им ничего не мешает прогнать хоть всех тварей бункера и заставить излить из себя всю кислоту, покидать туда металлические изделия, что в этом кислотном бульоне растворятся без остатка.

Останется найти бактерий, что смогут выжить в этом растворе, точнее питаться оной кислотой и выделять в качестве продукта жизнедеятельности металл.

«Осталось только придумать, из чего и как сделать формы, чтобы они не растворились в кислотой среде... – подумал Роев. – Хотя фигня вопрос, – тут же осенило его. – Тут куча мелких насекомых типа всяких муравьев и термитов, а уж они могут построить все, что захочешь, надо только найти их королеву и заставить ее командовать своим подданным, чтобы сделали необходимые формы».

– Понял?

– Да. В целом. В который раз убеждаюсь, что мало иметь большой объем знаний, нужно еще и образ мышления иметь соответствующий для полного применения этих знаний, – горестно выдавил из себя Владислав.

– Ничего, еще заимеешь.

8

– Так, со стволами вопрос начерно решен, как, впрочем, и с остальными элементами вооружения. Сделать детали автоматике по тому же принципу будет еще проще. С боеприпасами тоже все решаемо. Гильзы, пули... Разве что порох?

– Синтезировать взрывчатку почти любых свойств тоже не сильно большая проблема, – отмахнулась Эхинаея.

Покопавшись в приватизированной памяти, хранящейся на внешних носителях, а-ля живых флешках, Владислав согласно кивнул. Хотя для этого придется разворачивать настоящее биолого-химическое производство, чего, конечно, не хотелось бы, ибо очень уж муторно все будет, но если потребуется, то сделают.

– Вопрос в том, кого ты этим оружием собираешься вооружать, – хмыкнула Эхинаея.

– Это да, вопрос... – загрустил Владислав, осознав, что над этим он как-то не подумал, увлекшись чисто техническими проблемами.

Чтобы противостоять противнику, причем лучше это делать еще на подступах к бункеру, требовался достаточно большой отряд хорошо обученных бойцов, точнее даже маленькая армия в пару тысяч человек. В идеале внутрь бункера пускать никого не стоит, хоть и кажется, что бункер – это идеальная позиция для обороны. Противника действительно нельзя недооценивать, рано или поздно он найдет алгоритм успешного проникновения, несмотря на противодействие защитников.

– Может, местных индейцев? – как вариант предложил он.

– Кого?

– Живут тут краснокожие аборигены...

– И ты думаешь, они захотят за тебя воевать и умирать?

– Они будут воевать за себя. Сомнут нас, и им недолго останется бегать свободными.

– Только им это еще надо объяснить. Уверен, что это реально?

Роев только поморщился, принимая правоту Эхинаеи. Логику аборигенов смоделировать несложно. И правда, зачем им воевать с чужаками за другого чужака, при этом неся потери, ведь их и так мало осталось? Логично предположить, что они всех пошлют в пешее эротическое путешествие, дескать, разбирайтесь между собой сами, а нас не троньте.

– Или хочешь воспользоваться своими ментальными возможностями в убеждении?

– М-м... не думаю, что это лучшая идея. Как-то это на рабство смахивает, – снова скринулся Владислав. – А я и раньше к этому негативно относился, а уж после того как сам ошейник потаскал, так и вовсе...

– К тому же ментальное принуждение может в любой момент слететь от какого-нибудь сильного потрясения, психологического или физического, та же контузия.

– И тогда есть вероятность удара в спину в самый ответственный момент схватки, – кивнул он. – Но как я сказал, мне рабы в любом случае не нужны. И ты права, если даже кто-то и согласится встать под ружье, то индейцев слишком мало, чтобы отразить массированное вторжение. К тому же одними винтовками много не навоюешь против ракет, пушек, лучеметов, самолетов, дроидов с прочей тяжелой техникой. Тогда что?

– Остается вариант с живыми дроидами, многочисленными и дешевыми, причем самовоспроизводящимися, так чтобы можно было, фигурально выражаясь, завалить противника массой, раз уж совершенством и мощностью оружия победить не сможем.

– Похоже, ничего другого в нашем случае действительно не остается, – согласился Роев, оценив предложение. – Тогда высокотехнологичное оружие сразу отпадает...

– Да, это слишком сложно, долго и дорого, не говоря уже о малой эффективности.

– Но они должны иметь метательное оружие. Если навесное вооружение бесполезно и малоэффективно, то что?

– Мы сделаем им вживленное в тело вооружение.

– Тогда получается, что все равно придется делать металлические стволы...

– Не обязательно, хотя, конечно, можно и с ними... Я предлагаю вырастить стволы из тех же костей. Взять те же трубчатые «птичьи» кости, считай готовый ствол. Можно выращивать из рога или хитина, в зависимости от той твари, что мы возьмемся модернизировать.

– А такие стволы выдержат нагрузку выстрела? – усомнился Владислав, припомнив, что как-то давно сам рассматривал подобный вариант стволов из костей, но тогда это была не более чем отвлеченная фантазия, сейчас же это могло превратиться в реальность, и следовало все предусмотреть.

– Ну, нам ведь не нужно что-то запредельно мощное, бьющее на несколько километров?

– Не нужно. В наших условиях дистанция боя не будет превышать сотни метров.

– Тогда выдержат. А если потребуется что-то более мощное, скажем для действий в джунглях, то вставим металлические стволы.

– Да там дистанция будет немногим больше. Так что не принципиально.

– Ну это я так, чисто теоретически, – кивнула Эхинацея. – В боевых действиях я не разбираюсь... Кроме того, стоит заметить, что такие «живые» стволы будут самовосстанавливающимися, износ от трения снаряда в стволе и выгорания будет компенсироваться.

– Отлично! Давай попробуем что-то смоделировать на основе крамба. Эта монстрина мне кажется наиболее удобной базой для модернизации.

При этом Владислав во всех подробностях представил крамба и стал медленно его поворачивать, словно он на постаменте-вертушке, так еще в компьютерных играх показывают на заставках технику, вооружение и бойцов.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Эхинацея, подключившаяся по телепатической связи к разуму своего любовника и получившая возможность видеть то, что он представляет.

– Клешни на вертикальном тулове пока оставляем в покое, – тем временем сказал Владислав. – Маленькие. Разве что пистолеты из них делать... брызгалки...

Эхинацея хихикнула, а потом сказала:

– А почему бы и нет? Будет кислотой какой-нибудь обливаться...

– Ладно, в сторону шуток. Это боец среднего и дальнего радиуса действия. Берем вот эти две передние длинные боевые конечности... Поскольку это панцирные монстры, то костей в них нет, следовательно, наращиваем ствол вдоль лапы...

Крутившаяся в трехмерной проекции иллюзия монстра стала постепенно видоизменяться, и вот на боевых лапах крамба образовались стволы. Точнее на третьей, самой длинной фаланге.

– Как он будет их заряжать? А главное чем? – задался Роев вопросами, хотя идеи, конечно, появились, причем в изрядном количестве, но выбрал он самую простую и надежную. Эту идею и озвучила Эхинацея. Так что сразу и не понять, кто, собственно, придумал вариант, поскольку их сознания работали если не в режиме слияния, то где-то близко к этому, что называется на одной волне.

– Отводит лапу назад с подъемом, она сгибается и соприкасается верхней частью фаланги с основным тулово-брюшком. В нем проделываем отверстие и формируем мышцу подачи боеприпаса. Боеприпас вставляется в ствол, лапа идет вперед и ствол закрывается дополнительным элементом, что мы формируем в нижней части второй фаланги, он словно пробка закрывает ствол с боеприпасом в нем, – моделировала действие Эхинацея. – Лапа-винтовка готова стрелять.

Если совсем утрированно, то Владиславу происходящее чем-то напоминало зарядание охотничьего ружья-переломки.

- Годится. Теперь по боеприпасу.
- Ну, тут тебе виднее, дорогой...
- Да уж, виднее, – усмехнулся он. – Собственно, выбирать не приходится. О пулях можно сразу забыть...
- Разве что загрузить их в крамба, но это надо выращивать отдельно.
- Вот именно. К тому же кинетической энергии не хватит для пробития серьезной брони, а если обеспечим ее, то разорвет ствол. Опять же нужен спецбоеприпас, да к тому же очень высокая скорострельность, что в нашем случае недостижимо. Не будем усложнять. В нашем случае, когда приходится экономить на боеприпасах, нужно что-то такое, что выведет противника из строя с первого попадания.
- Яды, кислоты, взрывчатка...
- Яды и кислоты побоку. Остается взрывчатка. Как понимаю, о чем-то по-настоящему мощном можно и не мечтать?
- Все зависит от того, чем будет питаться крамб...
- Исходим из простой органики без редких ингредиентов, что потребует организации специальных кормушек, такие сложности нам совсем ни к чему. Чисто подножный корм. Пусть крамб сам производит боеприпасы в своем теле.
- Тогда да, о большой мощности можно не мечтать, – подтвердила Эхинацея.
- Впрочем, Владислав это уже сам понимал.
- Тогда про фугасные снаряды тоже забываем, а об осколочных и вовсе не вспоминаем. Такими хлопущками наших врагов не взять. Значит, нужен кумулятивный заряд, прожигающий плазменной струей десятки миллиметров бронесплавов и прочую броню...
- А вот это вполне реально, – кивнула Эхинацея. – Оболочка снаряда будет та же хитиновая, а взрывчатка на основе глицерина...
- Нормально, – оценил Владислав. – Броню легкого и даже среднего боевого дроида пятого-шестого поколения точно пробьет, не говоря уже о пехотных доспехах. А там, глядишь, и что-то серьезнее завалит... Теперь надо решить вопрос, как эту взрывчатку при ударе детонировать заставить?
- Либо электроимпульс, либо запальный капсюльный взрыв.
- Второй вариант как-то не катит, по мне так слишком сложно с биологической точки зрения. Это организму крамба нужно производить по сути два вида взрывчатки.
- Согласна. Потому предлагаю электрический способ.
- Как? Нити провода потянем от крамба к каждому снаряду?
- Роев невольно представил противотанковые управляемые реактивные снаряды шестидесятых годов, когда ими управляли с помощью проводков...
- Ересь... Сложно и затратно.
- В таком варианте действительно глупость... – согласилась Эхинацея. – В нашем случае в снаряде будет жить небольшая колония бактерий, вырабатывающих электричество. В момент удара снаряда о цель они высвободят столько энергии, что взрывчатка детонирует.
- А самодетонации не случится? – забеспокоился Роев. – А то упадет наш крамб, или еще что случится, и разорвет его на части...
- Не случится, если все правильно сделать. Пока снаряд не покинул ствол, вся вырабатываемая этими бактериями электроэнергия будет потребляться самим крамбом и тратиться на синтез этой самой взрывчатки.
- Тогда ладно. Теперь по наведению... Подставлять лапу-ствол к глазам каждый раз слишком много движений, а значит, потеря большого количества времени. Не говоря уже о том, что глаза крамбу могут повредить...
- Можно вывести глаза на лапу. Или даже сразу два, тогда дистанция будет лучше считываться.

– Порядок.

Владислав мысленно заставил модернизированного воображаемого крамба сделать несколько выстрелов. В итоге получился не то миномет, не то гранатомет...

Предельная скорострельность получилась не самой впечатляющей, один выстрел в две секунды, но лап две и один крамб мог долбить по выстрелу в секунду.

– Про охлаждение забыли... – сказал Роев, поняв, что даже при такой скорострельности начнется перегрев.

– Нет ничего проще. Опутываем ствол сетью кровеносной системы, и все тепло отводится в тело крамба, – сказала Эхинаcea. – Сверху, естественно, укрываем дополнительным слоем хитина, даже бронированного.

– А ему самому сильный перегрев не повредит? Кровь не начнет сворачиваться?

– Кратковременное – нет.

– А длительного и не получится, – с грустью сказал Роев.

Боезапас у крамба в любом случае получался не ахти каким большим. И производить много, а главное быстро он будет не в состоянии. Такой недостаток боевого юнита устроить Роева не мог.

– Хотя матку по производству боеприпасов делай, – с досадой буркнул он.

– Почему бы и нет? – пожала плечами Эхинаcea. – Так даже лучше будет в плане простоты конструирования организма. Лучше сделать два простых, чем один сложный.

– Хм-м... это уже интересно...

Владислав представил себе картинку, как огромная матка крамба, размером с трейлер, сплошным потоком производит снаряды, носильщики разносят их по складским помещениям, а во время боя таскают на передовую и загружают в крамбов-дроидов.

«Вот только, куда эти снаряды им загружать? – подумал он. – Заставить их глотать? Или какое-то дополнительное приемное устройство спроектировать?»

«Зачем дополнительное, когда можно наоборот через имеющее выходное отверстие заталкивать», – хихикая предложила Эхинаcea.

«Не, уж лучше пусть глотают!» – тоже засмеялся Роев.

– Жест... Тогда возможности предполагаемой кровяной системы охлаждения не хватит при длительном бое. Из-за перегрева начнет тупить, потом потеряет подвижность, став более легкой мишенью, и, если его не подстрелят, то в итоге кровь у них просто вскипит, точнее свернется, и мы потеряем юнита... Нужно что-то другое делать, какую-то принудительную систему охлаждения проектировать.

– Сделаем им крылья – и пусть жужжат, обмахивая воздухом кровеносный радиатор.

Эхинаcea предложила несколько вариантов.

– Слишком уязвимо. Один осколок – и сильная кровопотеря обеспечена...

– Место повреждения быстро закроется.

– Нет, кровь как отводитель тепла мне не нравится. Нужна какая-то автономная система с каким-нибудь хладагентом. Если эту систему повредят, то юнит еще какое-то время сможет продолжить бой, а не начнет терять эффективность из-за кровопотери.

– Можно и автономную систему смонтировать, – после короткой паузы кивнула Эхинаcea. – Поставим второе сердце, и пусть гоняет по контуру охлаждения водичку типа лимфы.

– Вот это мне нравится больше.

После всех внедрений даже внешний вид крамба сильно изменился. Вертикальное тельце уменьшилось, горизонтальное тулово-брюшко наоборот увеличилось. На нем появились крылья с «лимфатическим радиатором». Что уж говорить о его внутренних преобразованиях, чего только стоит система подачи боеприпасов.

– Осталось только все это как-то воплотить в жизнь...

– В смысле? – не поняла Эхинаcea.

– Ну, нужны ведь лаборатории, чтобы внести в геном крамба все эти наши хотелки. Даже боюсь представить, сколько на все уйдет времени, ведь сколько опытов предстоит провести... – тяжело вздохнул Роев.

– Лаборатории нам не нужны... как не потребуется и много времени. По крайней мере не годы, как ты подумал.

– Как это?

– Мы псионы, – как маленькому пояснила Владиславу Эхинацея. – Нам нужно только четко представить, что мы хотим получить, и заставить геном существа выполнить наш приказ. А уж как местные твари легко генетически изменчивы, думаю, не нужно тебе объяснять. Нужно только сформировать желаемый образ чуть ли не с первого момента после оплодотворения икринок или эмбриона.

– Действительно... Все никак не привыкну к своим псионическим возможностям, знаю о них и все равно... невольное психологическое отторжение непривычного происходит. Но ладно внешние и внутренние изменения пси-приказом сформируем, а крылья как? У крамбов ведь их нет... и спящих генов вроде тоже.

– Верно... – кивнула после короткой паузы Эхинацея. – Крылья внесем извне...

Благодаря абсолютной памяти она помнила генетические коды всех изученных монстров. Как, собственно, знал их теперь и Роев.

Владислав даже не стал спрашивать «как», на этот раз он не ступил.

9

Откладывать в долгий ящик псионо-генетические эксперименты парочка не стала. Времени на раскачку действительно не было. О чем свидетельствовала легкая вибрация, исходящая сверху, то и дело перемежающаяся сильными сейсмическими ударами. То есть противник интенсивно копал новый ход к бункеру с применением взрывчатки на особо сложных участках. Вопрос только в том, сколько времени на это уйдет, но вряд ли так уж много...

Мучиться и искать по всему бункеру недавно оплодотворенных крамбов не стали, поступили проще, поймали несколько женских и мужских особей, женских особей зачистили, проведя своеобразный аборт, ментальным приказом, и заставили их спариться. Хотя с мужскими особями можно было и не мучиться, так как женские особи при отсутствии мужских все равно могли воспроизводить потомство. К слову сказать, такая функция имела у большинства местных тварей всех родов и видов.

После того как начали развиваться эмбрионы, принялись за опыты псионического программирования генетического кода будущего потомства, буквально с первых минут развития, потому как из-за высокой скорости роста, когда эмбрионы формируются в считанные минуты, даже секунды терять не стоило.

Что касается формирования у крамбов крыльев, то сделали это внесением дополнительного генетического материала, отвечающего за их существование, взяв таковой у летающих тварей.

Как?

Довольно просто. Все благодаря той же псионике.

Не пришлось даже колупаться с микроскопом, микроскальпелем и микропипеткой, выделяя и вырезая необходимые участки в хромосомной нити, тем более что ничего из этого у экспериментаторов в наличии не имелось. Псионы сами по себе являются мощными микроскопами, скальпелями и пипетками, потому как эта сила позволяла им оперировать куда как на более тонком уровне, чем это даже могли делать современные медкомплексы последних поколений.

Наловчившись в тонкой манипуляции, загубив при этом сотни эмбрионов, Владиславу и Эхинае в конце концов не составляло труда чуть ли не играючи менять геноблоки в клетках.

В их сознании эти тончайшие и хрупкие молекулярные нити ДНК виделись толстыми скрученными канатами, соединенными между собой молекулами кислот, которые разрезались мысленными же ножами, после чего вырезанные участки удалялись телепортацией и телепортацией же вставляли молекулярную спиральную нить от другой твари, сращиваясь.

Лично Владислав был в полном восхищении от таких поистине безграничных возможностей псионики. Более того, он осознал, что даже если бы не имел информации о том, какой участок ДНК за что отвечает, то смог бы понять это благодаря все той же псионике!

Если очень примитивно, то Роев как бы убирал часть нити ДНК, а потом прокручивал вперед развитие эмбриона и смотрел, что в итоге получилось. А получалось, что у маленького крамбика то не хватало лап, то хитиновой брони на каком-то участке тела, то глаз, то еще чего-нибудь.

А если еще и интуицию удавалось задействовать, то вероятность ошибки практически исключалась.

Хотя, конечно, уже имея расшифровку ДНК крамба, работать было легче, чем если бы все пришлось познавать с нуля.

Так, у крамбов убрали звено генов, отвечающих за две хитиновые пластины на спине вертикально стоящего тела, и вставили геноблоки, отвечающие за крылья, от одной из летающих тварей. Для разнообразия крылья брали от разных тварей, чтобы потом выбрать лучше

всего получившийся результат. Плюс к этому второму подвиду в хитин внедрили геном хамелеона. Но это понятно, чтобы юнит смог полностью замаскироваться на позиции.

Имея способность прокрутки вперед по времени, Роев и Эхинацея проводили первичный контроль качества генетически измененных клеток. То есть выявляли откровенно неудавшиеся результаты и удаляли их из общей массы. Хотя это не гарантировало, что у остальных все будет хорошо, ведь прокрутка показывала лишь один из самых вероятных результатов из возможных, остальные вероятные варианты отнюдь не исключались.

Собственно, забегая немного вперед, можно сказать, что так оно в итоге и вышло. Только один эмбрион из десяти, на первом этапе признанных Владиславом и Эхинацеей годными, развился более-менее нормально.

До полноценного рождения дожило вообще лишь два процента от первоначального числа зародышей. Остальные отсеялись как из-за все равно развившихся уродств, так и из-за того, что не у всех эмбрионов удалось сформировать желаемую конфигурацию тела. У кого-то получились кривые стволы, у кого-то не получилась система наведения, то бишь встали неправильно глаза, больше всего проблем возникло с внутренностями и так далее и тому подобное.

Девяносто процентов родившихся по мере роста пришлось забраковать из-за малейших обнаруженных дефектов. Их специально не правили псионическими способностями. Так как это первое поколение должно было дать потомство и в качестве родителей требовались идеальные образцы.

В изменении крамбов в итоге пошли сразу по трем направлениям.

Во-первых, это матка-завод боеприпасов.

Владислав, кстати, раздумывал на ее основе попробовать получить полноценную королеву по производству боевых юнитов, при этом оставив возможность этим юнитам воспроизводиться самостоятельно. Просто королева будет рожать постоянно, а не время от времени как обыкновенные особи, что в определенных обстоятельствах могло создать дефицит бойцов.

Во-вторых, носильщики, которые в боевых условиях будут разносить боеприпасы. Так же в их задачу входило собирание корма для неподвижной из-за огромного тела матки и при необходимости выполнение функций разведчика, так как размерами они будут небольшими, а главное быстрыми.

Ну и в-третьих, непосредственно крамб-солдат, до полутора метров высотой и два длиной с двумя пушками калибра тридцать миллиметров.

Владислав после более тщательного обдумывания конфигурации этого живого дроида все же решил отказаться от того, чтобы простые бойцы могли сами воспроизводить в себе боеприпасы. Идея, конечно, крайне привлекательная, но не для легкого бойца, коему требуются достаточно скромные габариты, а значит, высокая подвижность. Ставка была сделана на увеличение носимого им боекомплекта.

Что касается самовоспроизводства снарядов в боевых юнитах, то совсем отказываться от такого заманчивого варианта Роев не собирался. По его мнению, лучше это реализовать в более крупном и защищенном варианте. Взять того же черепахена. Его размер можно довести до по-настоящему гигантских величин, типа немецкого танка «мышонок». Вот ему уже можно будет и ствол стальной вживить.

Но, увы, такому тяжелому и не сильно поворотливому монстру не место в бункере, а значит, его оперативный простор – это внешний мир. Так что производство юнитов с такими характеристиками это дело достаточно отдаленного будущего, хотя моделировать его уже сейчас ничего не мешало.

Но на одних только крамбах Владислав все же решил не останавливаться. Ибо оружия должно быть много и разного, на все случаи жизни. Но и с этим, наверное, пока можно было подождать и выделить ресурсы на более актуальное оснащение.

– А что ты хочешь еще сделать? – поинтересовалась Эхинацея, когда Роев заговорил с ней об этом.

– Да много чего! Но я считаю, что нам не помешает доспех.

– А чем тебя не устраивает имеющаяся броня?

– Это не броня, а просто оболочка, тяжелая и неудобная. Крайне ограничивает подвижность. Да и как защита это чистая профанация.

– И чем ты ее хочешь заменить?

– Нужно вырастить живой доспех.

И Владислав начал мысленно воплощать свою задумку, на основе все того же крамба.

Серьезной модификации подверглась вертикально стоящая часть тела с клешнями. Она значительно увеличилась в размерах. В ней появлялась полость, в которой мог поместиться человек.

– В случае чего этот живой доспех может самостоятельно унести тяжелораненого оператора с поля боя, при условии, конечно, что он сам сможет передвигаться, – добавил Владислав. – Но так у него и лап целых шесть, две да останется...

– Хм-м... Не вижу ничего сложного, – сказала Эхинацея, – так что можно попробовать. Но какой смысл лепить четвертый подвид с нуля, когда можно будет модернизировать уже видоизмененные образцы с закрепившимися новыми признаками? А то ведь сам понимаешь, чем больше разово вносимых изменений в первоначальный проект, тем меньше вероятность удачного результата.

Роев знал. Легче всего получались крамбы-носильщики. Собственно, у них там и изменений почти не было. Тяжелее всего шло с маткой – живым оружейным биозаводом.

– Время...

– У нас его нет на новую разработку. Мы и так едва справляемся с имеющимся потоком. Если отвлечемся от основной работы, то процент брака будет столь высок, что грозит вообще тем, что вся проделанная работа пойдет насмарку. Так что придется обходиться имеющейся броней.

– Да, ты права, – согласился после короткой паузы Роев. – Аппетиты нужно умерить и заняться чем-нибудь попроще, что не отвлечет много внимания от основного проекта.

– Чем?

– Да есть пара идей. Навскидку сделать будет нетрудно, а пользы принесет много.

– Показывай.

– Смотри...

– Забавно.

Владислав засмеялся.

– Что? – покосилась на него Эхинацея.

– Да я вдруг подумал, а что будет, если вдруг по каким-то причинам все наши предполагаемые творения окажутся на свободе и будут представлены сами себе...

– Это будет суший кошмар! – тоже засмеялась она. – Планета бесконечного сражения!

10

Амальда Сармлида, брата Дахара Сармлида, главы клана Риядлид, изрядно раздражала серьезно затянувшаяся командировка в систему, находящуюся глубоко в неисследованной части космоса. А больше угнетало то, что, когда она завершится, неизвестно, даже гадать бесполезно. А все из-за напортачивших племянника и племянницы, за которыми теперь приходится подтирать...

Да, на этой планете находится бункер Древних с кучей артефактов. Да, тут точно висят Звездные врата тех же Древних, а может, и не тех же, а каких-то других, это еще предстоит выяснить. Все это, конечно, очень важно и в потенциале несет колоссальную прибыль, что поднимет клан на новый уровень в негласной иерархии кланов-корпораций фронта, скорее даже сделает их безусловными лидерами. Если остальные не объединятся и не задавят возмнившего о себе слишком много конкурента силой на начальном этапе возвышения. Впрочем, значительная часть перебежит на сторону сильного – в надежде урвать свой кусочек от пирога.

Ведь если удастся завладеть сетью Звездных врат и окажется, что эти Кольца находятся у большей части населенных планет, то насколько удешевятся и ускорятся перевозки! Ведь в данном случае грузовые корабли не потребуется оснащать дорожными межзвездными гипердвигателями, что составляют до пятидесяти с лишним процентов стоимости от цены корабля, плюс до двадцати процентов стоимости занимает цена мощного искина, занимающегося прокладкой курса. Хватит внутрисистемных движков, а они дешевы, также не потребуется мощный искин, хватит «тугодумного» второго-третьего поколения для внутрисистемных полетов.

Да и про бункер не стоит забывать. Мелкие артефакты, несмотря на их запредельную стоимость на черном рынке, на самом деле не так важны. Важна до сих пор работающая система РЭБ, что давит не только электронику, но и нейросети.

Еще неизвестно, какая технология, при условии ее освоения, в итоге принесет больше прибыли. Ведь транспортную систему при всем желании в одну харю точно не сожрать, придется с кем-то делиться (с другими транспортными компаниями, с правительствами систем, где находятся эти Кольца), чтобы не вставляли палки в колеса. В то время как на РЭБ можно наложить руки и распоряжаться в одиночку, продавая уже готовые изделия.

Но для него это все вторично и отвлекает от основного.

Покинув на длительное время территорию фронта, а точнее его информационного поля, он выпал из числа участников политических интриг за место главы клана (то, что Дахару уже недолго осталось, несмотря на все его попытки продлить срок своего существования, было ясно всем), вот что главное. А плетение интриги – это дело каждодневное и кропотливое. Нужно чуть ли не каждый час мониторить обстановку, отслеживать все ходы, победы и промахи своих конкурентов, подгадывать и создавать самому моменты, при которых конкуренты оступятся, а то и откровенно подтолкнуть и поставить подножку.

«Но где-то серьезно оступился я, что именно меня законопатили сюда», – подумал Амальд, в который раз пытаюсь понять, чьих это рук дело. Не имея доступа к информации, гадать о чем-то было бесполезно, а те, кто это все устроил, за время его отсутствия конечно же тщательно подотрут за собой следы, так что по истечении времени уже никаких ниточек не останется и будут мило улыбаться в лицо. Сам такой.

То, что это решение было исключительно Дахара, он не верил, так как лучше чем кто бы то ни было знал, что короля играет свита. Клан слишком велик, так что один человек по определению не может за всем уследить и проконтролировать, потому требуется делегировать часть полномочий родственникам. А свита из братьев и сестер – это еще тот клубок ядовитых гадюк.

Амальд досадливо поморщился.

Можно было подумать, что удачное исполнение поручений главы клана только добавит ему очков в политическом противостоянии, но, увы, это было не так. Пока он тут решает проблемы, которые наворотили племянница и племянник, его политические враги выдавливают его из других областей, создают новые коалиции и союзы. Даже если он с блеском закончит здесь все дела, то плодами его работы, скорее всего, воспользуется кто-то из его соперников и даже спасибо не скажет.

В теории его политические потери были бы минимальны, а то и вовсе сведены к нулю, если бы все дела удалось завершить в считанные недели или даже месяцы. В конце концов, некоторый запас прочности у его позиций имелся, чтобы то, что он создавал долгие десятилетия, просто так не рухнуло в считанные дни.

Но беда заключалась в том, что как-то ускорить дела не представлялось возможным, ибо от него тут по большому счету ничего не зависело. Главным образом из-за значительного удаления планеты от фронта, что дополнительно усугублялось многочисленными маневрами кораблей, призванных сбить со следа потенциальных наблюдателей.

А кланы следили друг за другом крайне пристально. Найти источник дохода и отбить прибыльный бизнес, так, чтобы это не привело к войне, считалось чуть ли не высшим шиком. И даже если отбить не получится, то просто не дать конкуренту получать доходы, а значит, возвыситься финансово и, следовательно, политически, тупо уничтожив активы и натравив банды пиратов, а еще лучше заставить серьезно потратиться, замутив какую-нибудь подставу и стравив кланы-конкуренты между собой, а потом добить победителя.

Также никак не повлиять на скорость и качество работы привлеченного за огромные деньги к исследованию Звездных врат стороннего ученого, специализирующегося как раз на исследовании артефактов Древних. А исследования продвигались крайне медленно, несмотря на весь его энтузиазм.

Стоило только подумать об ученом, чей найм стоил как цена линкора восьмого поколения, как он дал о себе знать.

– Слушаю... Надеюсь, на этот раз новости будут хорошие?

– О да! Спешу вас поздравить, господин Амальд, у меня произошел прорыв в изучении объекта! – воскликнул ученый.

– А именно?

– Мне наконец удалось получить отклик от объекта! Это был явно запрос пароля на наши попытки связи! Уверен, что дальше будет гораздо легче!

– Сколько потребуется времени на взлом?

– Трудно сказать...

– Хотя бы примерно.

– Порядка трех недель. Может, несколько больше. Вот если бы удалось получить пару искинов двенадцатого поколения...

– Мечтать не вредно, – невесело усмехнулся Амальд.

Ученый только сокрушенно кивнул головой. Оно и понятно, тут искины десятого поколения попробуй достать, а уж двенадцатого, они и в центральных мирах редкость.

– Что ж, это действительно хорошая новость, – без особого энтузиазма ответил Амальд Сармлид, ведь неизвестно сколько потом потребуется времени, чтобы расшифровать весь алгоритм работы врат после получения доступа. – Кстати, как повела себя электроника?

– Никаких нареканий, так что отключение электронных систем корабля дикого объясняется как примитивностью этих систем, так и неадекватной работой врат, что втянули его.

– Это хорошо... Работайте дальше.

Ученый кивнул и отключился.

Стоило только закончить разговор с немного назойливым ученым, как поступил вызов с планеты от племянника Эльда Амкара.

- Что у тебя?
- Мы добрались до бункера, дядя...
- Отлично.

Все это время пробивался новый ход к бункеру взамен разрушенного орбитальным ударом. Благо старый проходческий агрегат сохранился и не пострадал при бомбардировке, а то пришлось бы тратить время на приобретение нового.

Амальд тогда принял решение уничтожить окончательно спятившую племянницу. Если раньше Эхинацею еще как-то удавалось держать под контролем, но после того как она многочисленными операционными вмешательствами с внедрением биоимплантов собственной разработки превратила себя в псионического монстра, а потом еще и удалила нейросеть, она из-за своей невменяемости с прогрессирующей жадой власти стала опасной и подлежала ликвидации.

Как подлежал ликвидации и дикий, над которым проводились первичные исследования и которому удалось сбежать обратно в бункер, где и забаррикадировался, перекрыв доступ клану к его богатствам. А тут они появились вместе. Так что приказ на ликвидацию был немедленно отдан.

Теперь осталось узнать, удалось их тогда ликвидировать или нет. С точностью при орбитальном обстреле всегда не ахти, а тут еще помехи пошли, эти чертовы джунгли в ответ на сканирующее облучение генерировали своеобразное маскирующее поле, и разброс получился совсем уж большим. Раскопки в этом плане ничего не дали, что неудивительно, ведь прямое попадание не оставило бы от живых объектов даже молекулы для опознания, а одно прямое попадание все же было...

Стоило разорвать связь с племянником, как поступил третий вызов. В систему прибыл транспортный корабль, привезший заказанных рабов для проведения зачистки бункера, на тот случай, если противодействия не будет, а также бойцов на тот случай, если Эхинацея с Роем уцелели и их придется выкуривать из бункера.

Бойцов набирали из числа диких, не имевших нейросетей. А чтобы не тратить драгоценное время на их обучение владения оружием и тактики его применения, то знания вкладывались методом гипнотического программирования.

– Сегодня прямо праздник какой-то, – ухмыльнулся Амальд Сармлид, когда поступил доклад, что все заказанное приобретено в необходимом количестве и качестве. – Сразу столько хороших новостей. Правда, как показывает опыт, достаточно одной плохой новости, чтобы перечеркнуть все хорошее...

Плохие новости не заставили себя долго ждать. Разведчики, посланные в бункер, вернулись практически сразу.

– Кто-то из них точно выжил, дядя, – сообщил Эльд Амкар. – Пока неизвестно, оба или только кто-то один, но разведчики столкнулись с жестким противодействием в виде массовой атаки тварей и вынуждены были отступить.

– Что ж, этого можно было ожидать, и будем исходить из того, что выжили оба. Действуем по плану «Б».

- Понял...

11

– Не успели... – оторвавшись от очередного генетического эксперимента по выведению «танка» на основе черепахена, недовольно буркнул Владислав, когда сверху пришел ментальный сигнал о вскрытии бункера и проникновении отряда разведчиков из дюжины человек.

– Глупо было думать, что они станут медлить с освоением бункера, ведь они очень хотят получить то, что тут находится, – где-то даже меланхолично ответила Эхинацея, также оторвавшись от своего проекта.

Роев только кивнул. В конце концов, они ждали этого – и вот дождались. Досадно лишь то, что случилось это несколько раньше, чем рассчитывали, а точнее хотели.

Проводимые ими псионо-генетические опыты по видоизменению некоторых видов тварей на данный момент находились на разной стадии готовности. Но главный проект прошел лишь первую стадию, и они были не готовы к полноценному боевому столкновению, а то, что этого не избежать в любом случае, парочка была уверена на все сто.

Взять тех же крамбов, модернизация которых являлась на данный момент основной темой, только-только появилось первое поколение стрелков, техников и оружейниц. Им предстояло еще целый месяц расти и, спарившись, передать свои гены следующему поколению, окончательно их закрепив в своем геноме.

Впрочем, нельзя сказать, что для встречи нежеланных гостей псионы-затворники совсем уж ничего не подготовили и были перед ними безоружны, если, конечно, не считать собственных псионических возможностей.

Что до собственных возможностей, то рисковать в прямой схватке все же не хотелось. В конце концов, противник знает об их статусе сильных ментооператоров и наверняка подготовился к бою с ними именно в таком качестве. Как говорится, сила силу ломит, и даже сильного псиона можно завалить, используя то или иное оружие, а проверять на себе, какое именно оружие подготовили, совершенно не хотелось.

Другое дело, что в бункере возможности противника сильно ограничены из-за работающей глушилки, вырубаяющей всю электронику, но опять же, зная об этом, можно провести модернизацию, чтобы оружие работало без электроники.

Понимая, что основной проект, скорее всего, задействовать в противодействии противнику не удастся, Владислав и Эхинацея подготовили более простое и быстрое решение... В большом объеме это было опасно для них самих, но по большому счету выбирать не приходилось.

– Может, все же попробуем с ними договориться? – предложил Владислав. – Не сказать, что я такой уж пацифист, но стрелять друг в друга почему зря, даже не попытавшись пообщаться, мне кажется глубоко неправильным.

– Не получится, – скептически поморщившись, в отрицании помотала головой Эхинацея.

За месяц ее волосы отросли до плеч, понятно, что не обошлось без разгона роста волос псионической силой, но больше с прическами Эхинацея не безумствовала, так что выглядела она теперь куда как милее, чем лысая. К тому же она поработала над своим лицом, вернув ему двадцатилетнюю свежесть. Владислав на эту тему сильно не заморачивался. Разве что остановил рост волос, а то тратить время на бритье реально задрало.

– Почему? В конце концов, пусть забирают себе эту чертову глушилку и убираются с планеты. Она нам без надобности... А там, глядишь, и вовсе отношения наладим. Имея такие возможности и ресурсы, мы много чего предложить для продажи можем. Да и нам самим не мешало бы закупиться всякой всячиной... я уже молчу про продукты и технику для готовки. Да хоть пайки.

Однообразие рациона действительно стало напрягать. Они как псионы еще не достигли того уровня развития, когда смогут полностью отказаться от белков, жиров с прочими минералами и перейти на чисто энергетический способ питания. Дико хотелось нормальной еды: жареной картошечки, котлет, шашлыков, супов, каш, салатов, хлеба, наконец, и всего прочего.

– Даже не надейся. Мы для них угроза, подлежащая немедленной ликвидации.

– С чего такая категоричность?

– С того, что после того, как они обстреляли нас с орбиты и мы чуть не погибли под завалами горной породы в обрушившемся коридоре, они ни за что не поверят, что мы не захотим им жестоко отомстить за сие неспровоцированное нападение.

– Ну-у... – Владислав пожал плечами.

– Рой, пойми, месть – это то, чем прославились кланы фронта. Типа культурная особенность... На фронте так исторически сложилось, что обязательность мести за любое оскорбление, не говоря уже о чем-то более серьезном наезде, стала центральным стержнем кодекса чести, скорее даже условием выживания данных объединений с того момента, как они здесь появились. Зачастую только неотвратимость мести со стороны проигравшего заставляла того, кто желал напасть, дабы получить ресурсы предполагаемой жертвы, проявить благоразумность и как-то договориться миром, встать на путь торговли.

– Либо подкопить сил побольше и ударить так, что мстить станет некому.

– Или так, – согласилась она. – Такое тоже случалось и не раз. Потому, если прямое противостояние все же началось, то схватка идет до победного конца, до полного уничтожения вражеского клана с уничтожением женщин и детей, иначе жди мести, не сразу, так через год, десять лет или даже сто, когда победитель уже об этом и думать забыл. Так что они просто не поверят, что я оставлю их в покое и рано или поздно не отвечу за попытку убийства. Тем более они не знают, что я... хм-м... стала более здравомыслящей, и рассчитывают на мою реакцию исходя из характера еще той практически уже невменяемой Эхинацеи.

– Да уж! – хохотнул Владислав, вспомнив ту Эхинацею с безумными глазами и хищным оскалом. – Тут я их понимаю!

– В то, что я выздоровела и простила...

– А ты простила?! – усмехнулся Роев.

– Скажем так, я понимаю их мотивы и готова закрыть на этот эпизод глаза... Так вот, они в это не поверят, решат, что это какая-то изощренная уловка с моей стороны, чтобы смертельно ударить в самый удобный момент.

– Я бы тоже так решил, – с тяжелым вздохом кивнул он.

– А потому они сделают все, чтобы нас уничтожить при первом же удобном случае. Так что нам не договориться даже о перемирии, не говоря уже о каком-то взаимовыгодном сотрудничестве. Без вариантов.

– Печалька...

12

Разведчиков бункерные затворники трогать не стали. Точнее говоря – убивать. Просто натравили на них стаю тварей, и разведчики, осознав, что бункер занят противником и видеть чужаков здесь совсем не рады, спешно ретировались.

Конечно, можно было их не трогать. Идея заключалась в том, что пока разведчики шарились бы по бункеру, удалось выиграть еще немного времени на подготовку к встрече с отрядом вторжения, но слишком глубоко разведчиков, увы, все равно пускать было нельзя, дабы не увидели и не донесли командованию то, чего им видеть не следовало.

Дело в том, что на верхних уровнях в разных секторах лестничных пролетов и блоках кормились новые виды тварей, что были целенаправленно выведены Владиславом и Эхинацей, как законченные виды, так и переходные формы, над которыми в дальнейшем планировалось еще кропотливо работать. А то в некоторых случаях, чтобы получить необходимый результат, требовалось внести слишком много изменений, и плод в конечном итоге получался нежизнеспособным. Потому к нужному итогу решили двигаться маленькими шажками, внося дополнительные изменения в последующие поколения, дождавшись, когда закрепятся в геноме предыдущие вставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.